

ДОБРАЯ АЛЛА

Петра

Часть I

16+

Алла Добрая
Петра. Часть I

«Автор»

2014

Добрая А.

Петра. Часть I / А. Добрая — «Автор», 2014

ISBN 978-5-532-04917-8

Первая часть семейной саги «Петра». История о любви и дружбе, падении и возрождении, с тонко переплетенными гранями времён и трагическими поворотами судеб. Главная героиня — Петра Терентьева, шаг за шагом, мысль за мыслью прокладывает свой путь среди предательства и потерь, пытаясь понять, что за игра с давних времен затеяна с ее семьей.

ISBN 978-5-532-04917-8

© Добрая А., 2014

© Автор, 2014

Алла Добрая

Петра. Часть I

Памяти любимой мамы — Усачёвой Зои Ивановны.

Книга является художественным произведением. Любое совпадение мест и событий, а также сходство имен и персонажей с людьми - как ныне живущими, так и ушедшими — случайны и являются плодом фантазии автора.

*Ничто не исчезает на земле... утраченное здесь,
Морской прибой пригонит к берегу иных морей,
Здесь нет потерь, все обретешь... коль ищешь.
Уильям Шекспир.*

Петре всю ночь снились кошмары — похороны соседа, а вокруг не то люди, не то тени, и злобная тетка с клюкой сыплет под дверь головки от погребальных гвоздик.

Два дня назад сорокалетнего соседа Виталика хоронили наяву. Алкоголика с многолетним стажем, сына известного режиссера, в периоды запоев опекали всем домом. Четырехэтажный особняк дореволюционной застройки, трижды реконструированный, принадлежал к категории раритетной, от того престижной и очень дорогой московской недвижимости. Квартиры в доме продавались редко, чаще переходили по наследству, и в большинстве из них сейчас проживали заслуженные пенсионеры. Дочка Петры — Маша, так и называла его — «заслуженный пенсионерский дом».

Всего один подъезд и на каждом этаже — лишь две квартиры, ста сорока квадратов каждая, с высоченными потолками и двухметровыми оконными проемами.

«Ориентация на две стороны света», — красиво выразился риелтор, представляя потенциальному клиенту квартиру, почившего в мир иной, Виталика.

Клиент — важный господин в костюме несовременного кроя, которому явно не хватало тросточки, в итоге приобрел весь четвертый этаж, объединив две квартиры. Вторая до сего момента принадлежала одинокому композитору, недавно получившему вид на жительство во Франции.

Какими усилиями важный господин или его риелтор уговорили композитора продать квартиру, которая успешно сдавалась иностранцам за баснословную плату, оставалось загадкой.

«Все имеет свою цену», — подытожил удачную со всех сторон сделку риелтор, и этаж по итогу грамотных совокупных действий теперь принадлежал важному господину в костюме несовременного кроя.

С недугом непутевого Виталика после смерти его отца боролись всем домом. Петра лично устраивала его в частную наркологическую клинику своей подруги. Из лечебного заведения он трижды сбежал, после чего подруга Марина вынесла приговор: «Пока сам не захочет, никто не поможет. У него печень на ладан дышит, в крови — продукты распада, а значит, почки скоро откажут. Через полгода, максимум, либо от цирроза умрет, либо от общей интоксикации, что по сути одна тема. Петра, пойми, он же, словно в коме пребывает. Честно сказать, шансов у него минимум и спасет только чудо, если оно совершит революцию в его мозгу».

Ни чуда, ни революции в мозгу Виталика не свершилось. Из близких родственников у него осталась лишь сильно набожная тетка из глухой тверской деревеньки, которая презирала Москву и все, что с ней связано и состояла в вечной конфронтации с отцом Виталика. Узнав о смерти родного брата, она категорически отказалась приехать проводить. Но на похороны

племянника явилась сразу, проявив невероятную прыть в оформлении наследных документов. И вот, через выдержанных по закону полгода, квартира благополучно перешла во владение господина без тросточки.

«Быстро продала, видно дешево, — рассуждала, вечно переживающая за чужие деньги, консьерж Лариса Леонидовна. — Если за композиторскую господин переплатил, то на квартире Виталика точно сэкономил».

Обычно после очередного звонка из вытрезвителя Виталика забирал Василий Митрофанович, старый друг его отца и сосед Петры по этажу. Бывало, что сигналом запоя становилась вода, протекающая «на голову» соседки снизу — пенсионерки Веры Иосифовны, когда Виталик в невменяемом состоянии засыпал в ванной с открытым краном.

В этот раз она первой заподозрила неладное. Её собачка Маркиза всю ночь беспокойно подвывала и Вера Иосифовна, приняв это за плохой знак, решила утром подняться к беспокойному соседу. Она долго стучала в дверь, разбудив всех соседей. Общим решением вызвали с дачи Василия Митрофановича, у которого был второй ключ, но — поздно.

Виталик лежал на диване в гостиной, неловко запрокинув голову на подлокотник, посиливший, в потеках от собственных рвотных масс, которыми, как показало позже вскрытие, он и захлебнулся. В квартире уже основательно прижились запахи перегара, табачного дыма и немытого тела, пропитанного органическими выделениями. Мухи толпились на остатках еды, на грязном подоконнике и уже подбирались к начинающему чернеть рту Виталика. Некогда шикарная квартира, за полгода после смерти знаменитого отца превратилась в жалкое зрелище. Постепенно исчезли картины и книги. Сам Виталик или с кем-то их выносил, не могли понять. Консьерж Лариса Леонидовна клялась, что в дом не проходил никто из посторонних. Но Василий Митрофанович, навещая Виталика, всякий раз обнаруживал, что стены и книжные полки в квартире пустеют одна за другой. Теперь в гостиной остались лишь стол с парой стульев и диван с перепачканной обивкой, на котором и лежало тело несчастного Виталика.

Увидев мертвого соседа, Вера Иосифовна сначала заголосила, потом и вовсе решила упасть в обморок. Вызвали скорую и медсестра с волосами цвета баклажан, нашатырем и сердечной инъекцией привела в чувство сложно отреагировавшую пенсионерку. Потом молодой доктор с рыжей щетиной на опухшем лице вынул из отвислого кармана несвежего халата блокнот с логотипом лекарства от депрессии, и записал на отрывном листе номер телефона службы, роль которой цинично озвучил труповозкой.

Кроме набожной тетушки из Твери, срочно приехавшей по случаю смерти и наследства, престижная недвижимость в центре подтянула и других родственников, по линии матери Виталика. Все чинно расселись за столом, выразив тем самым намерение решить вопросы мирным путем. Но право на наследование по закону имела только тетушка Виталика, и уже через полчаса из неприкрытой двери раздались такие крики, что соседи поняли — покой эту квартиру посетит не скоро.

«А Виталику уж все равно», — причитала на похоронах сердобольная Вера Иосифовна. — «Ох, ну надо ж — не утоп, так все равно захлебнулся. А, ведь, какой талантливый парнишка был, в симфоническом оркестре надежды подавал. Мать его — Ангелина — так мечтала сделать из сына известного музыканта. Чтоб сольные концерты, чтоб овации и цветы . . . Ну, пусть земля будет пухом, отмучился бедолага».

Теперь цветы, среди которых выделялись перетянутые черной лентой гвоздики необычного фиолетового цвета, лежали в ногах Виталика, в пахнущем древесиной, последнем пристанище для его тщедушного тела.

С Юго-Западной в центр, проводить в последний путь малознакомого ей человека явилась Валентина Ивановна — вечно ворчащая тетка, соседка бывшей свекрови Петры и родственница консьержа Ларисы Леонидовны. Валентина Ивановна, поджав губы и изображая

невыносимую печаль, пристроилась в изголовье гроба, опираясь на свой костыль, с которым была неразлучна много лет из-за давней болезни позвоночника.

На похоронах часто присутствуют случайные люди, фанатеющие по подобным ритуалам. Они всегда готовы помянуть и поскорбить вместе с близкими покойного, не будучи даже знакомы с виновником печального события.

«Когда и кто мог подбросить ритуальные цветы к нашей двери? — удивлялась Петра. — Ведь они остались лежать на гробу, когда он медленно, под музыку опускался в раскаленное чрево крематория. Фиолетовые головки от гвоздик и маленькая черная ленточка возникли перед квартирой совершенно мистическим образом. Вот уж действительно как из-под земли».

Субботним апрельским утром Москва с наслаждением распахнула объятия навстречу весне. И та в ответ, растрогавшись, прошла по столице щедрым дождем, с твердым намерением почистить память горожан о зимних холодах, ветре, унынии и смеси под ногами из снега и реагентов. Все это позади. Страна уверенно выходила из депрессивной зоны, в которой, как принято считать, находится в осенне-зимние периоды Россия, и на Москву смело обрушивалась весна.

Перекрикивая друг друга, защebetали птицы на яблоне под окном. Окна на две стороны света предполагали выход во двор и на канал, ограниченный с обеих сторон проезжей частью.

Все звуки пробуждающегося после зимы города словно умножились в разы. Ранним весенним утром, в выходные, когда движение еще неактивно, из окон было слышно, как зимняя резина непродуманных автовладельцев издает недовольные звуки при соприкосновении с асфальтом, удаляющем из нее шипы, как ловкий стоматолог. Воздух стремительно наполнялся новыми запахами, и земля, совсем недавно скинувшая снежные одежды, в предчувствии лета словно шептала о любви, радости и надеждах на лучшее.

Петра дождалась, когда струя воды в светодиодной лейке приобретет голубой цвет — значит температура не выше девятнадцати градусов. Набравшись смелости, она шагнула в душевую кабину и минут десять стояла под колючим дождем, прогоняя остатки сна. Выйдя из душа, Петра укутала волосы пахнущим свежестью махровым полотенцем и принялась втирать в кожу лосьон. В запотевшем большом зеркале начала проявляться блестящая от масла, смуглокожая фигура.

Встав на весы, Петра отметила, что немного похудела. Придаться к телу пока сложно — спасибо генетике и двухразовым в неделю походам в бассейн. Всё на месте и в тех же объемах. Но резкие перепады в весе, по словам личного диетолога подруги Наташи, в этом возрасте категорически недопустимы. Петра с сочувствием наблюдала, как Натали ожесточенно борется с лишними килограммами, часто проигрывая в этой схватке. Она передавала Петре все подробности военных действий, постоянно предупреждая, чтобы та контролировала вес, и что теперь Наталье, наверное, придется делать липосакцию или, на худой конец, криолиполиз.

Никакой липолиз делать не пришлось. Вес ушел сам, вскоре после того, как они с мужем затеяли глобальную перестройку загородного дома, и Наталья переключилась на борьбу со строителями.

Петра провела ладонью по зеркалу и внимательно взгляделась в отражение. Синева под глазами и красноватые белки — пламенный привет от экрана монитора и вчерашнего, почти до двух ночи, тесного контакта с ноутбуком.

«И в радости и в горе, какой бы ни был стресс, держите под контролем мозги, язык и вес!», — пришла на ум задорная песенка.

«Пора в жизни что-то менять. Хотя, как показывает опыт подруги, кому-то стресс весьма полезен — открывает второе дыхание и избавляет от лишнего. Ладно, думаем позитивно, верим исключительно в лучшее, и все у нас будет хорошо», — решила Петра.

— Ё-ошкин кот, так ты думаешь, это она? — дрожащим от обсуждаемой темы голосом произнесла Наталья. — Ну, точно! Это ваша местная баба яга Валентина Ивановна подкинула тебе погребальные цветочки!

— Забудь. Это чья-то глупая шутка, ничего больше.

— Ой-ё-ё. «И они еще борются за почетное звание дома высокой культуры быта», — процитировала Наташа фразу из знаменитого фильма.

Петра подцепила с плоского блюда прозрачный ломтик форели, ловко соорудила из него розочку на разрезанной свежей булке и протянула Наташе, надеясь, что тема потусторонних сил будет закрыта.

Наталья примчалась к подруге рано утром, после того, как накануне по телефону услышала от нее неприятную историю с подброшенными под дверь головками гвоздик. От эмоций у Наташи зарделись щеки, и, казалось, еще круче завернулись белокурые кудряшки, которые от природы вились серпантинном. Невысокого роста, но не хрупкая, а налитая, как зрелое яблоко, с огромной копной волос, раскосыми глазами и пухлыми губами, она в любом разговоре заполняла временное пространство на девяносто девять процентов своим монологом, и Петра была одной из немногих, кто мог превратить его в диалог.

Подруги завтракали на балконе, за небольшим кованым столиком, накрытым белоснежной скатертью, расшитой руками бабушки Петры. На столе — старинный медный кофейник с виноградными лозами на толстых боках, две кофейные пары из семейного сервиза и серебряные приборы. Так положено в их семье.

«Семья сильна традициями, — говорила бабушка, доставая по субботам из старинного буфета императорский фарфор. — Будни есть будни, а выходные всегда должны нести ощущение праздника». Бабушка... Даже в тяжелые времена она не позволяла держать в доме чашки и тарелки со сколами и трещинками и беспощадно выбрасывала отжившую посуду. По выходным она вставала раньше всех, затевала пироги, и вскоре квартиру наполнял великолепный запах выпечки и кофе. Запахи детства. «Как же недавно и как давно это было».

Рядом с Петрой на маленьком пуфике для ног из комплекта с «ушастым» английским креслом возлежала кошка Монро, породы невская маскарадная.

Кличку она получила за черную мушку на белоснежной морде и, как выяснилось, капризно-звездный характер. Монро требовала исключительно почтительного к ней отношения, не позволяла панибратства в виде частых поглаживаний, редко отзывалась на кличку Моня и очень любила кино. Когда включали телевизор, она устраивалась на диване и могла долго сидеть почти без движения, внимательно глядя на экран. После кинопросмотра, довольная, она шла перекусить, потом тщательно умывалась и надолго скрывалась в недрах большой квартиры.

Сейчас весеннее солнышко робко прикасалось к белобрысой морде Монро, заставляло щуриться, уже не позволяя открыто взглянуть в его сторону. Лучи пока не жарили, как летом, а нежно ласкали, медленно разгоняясь перед началом знойного сезона. Рядом с Монею крутился Наташин йоркшир Тэффи, девяти месяцев от роду. Он заходил к вальяжной кошке с разных сторон, подпрыгивал и потягивал, приглашая к игре. Не удостоившись внимания высокомерной Монро, Тэффи обнюхал все углы на балконе, потом — цветы и, окончательно запутавшись в запахах другого дома, смешно чихнул. Потом, запрыгнув на колени к «маме», свернулся как котенок.

— Ты сама на кого думаешь, а, Петь? Кто мог совершить такую пакость в вашем заслуженном пенсионерском доме? Это же надо как-то решать, чего ты молчишь? — выстрелила Наталья тремя вопросами махом.

— Да ничего я не думаю. Про цветы, говорю тебе — чья-то глупая шутка. А все эти сны, видимо, от того, что нервы сдают от перегрузок. Я стала чересчур впечатлительна. Скоро по эмоциям тебя догоню, хоть мне и придется очень постараться. Ведь это будет нелегко, — улыбнулась Петра.

— Тебе не грозит, не переживай. Тебе до меня, как до Китая на мопеде. Ты же у нас снежная королева. Короче, Петрусик, слушай. Никакие это не шутки. Я уже погуглила!

Наташа для усиления эффекта выдержала многозначительную паузу и выдохнула:

— Это старинный заговор! Называется — венец безбрачия. Только не пугайся — он ни здоровью, ни жизни не угрожает.

— Хорошо. А то я уже начала переживать, — «схватившись за сердце», произнесла Петра.

— Разве что, личной, — игнорируя сарказм, испуганно добавила несвободная от предрассудков Наталья, в системе посещавшая экстрасенсов, целителей и прочих знатоков параллельных миров.

— Как, скажи, можно угрожать тому, чего нет? — возразила Петра.

— Во-от! Чтоб и дальше ничего не было. Этот заговор делается на погребальных цветах, когда умирает именно молодой, неженатый мужчина. Они заговариваются и подсыпаются под дверь, что мы и имеем!

— Перестань, кому это надо?

— Как кому? Ну, как кому?!

Тэффи вздрогнул на коленях Натальи и преданно взглянул глазками-пуговками на хозяйку. Убедившись, что в его мире по-прежнему все спокойно, три килограмма любви и преданности, вздохнув, снова свернулись шерстяным клубочком.

— Да свекрови твоей надо, — понизила тон Наташа. — Твоя Маргарет всю жизнь дружила с этой ведьмой Валентиной Ивановной. И она уж точно не тот человек, кто легко проигрывает.

— Ты что думаешь, Валентина Ивановна сняла цветы с гроба, наломала, заколдовала и принесла к моей квартире? Ты сама знаешь, она уже лет десять, как по стенке ходит.

— А свекровь?

— Опять свекровь. Она причем? Ее вообще не было на похоронах.

— О! Не было! То-то и оно.

Что «то-то» и что «оно» Петра уточнять не стала.

— Наташ, не опустится она до такого. Ты же знаешь, какая Маргарет гордая.

— Ага, знаю! Что-то этой гордой не претило ходить по брачным агентствам и посылать фотки претенденток сыночку, который, кстати, до сих пор сохнет по ее бывшей снохе.

— Бред какой-то.

— Бред не бред, а я вот что думаю, — не обращая внимания на комментарии подруги, продолжала глубокомысленно рассуждать Наталья. — Раньше она пыталась его от тебя отвадить, а теперь, видимо, решила начисто исключить мужчин из твоей жизни. Тогда, глядишь, ты опять с ее сыночком сойдешься.

Петра от души расхохоталась.

— Во-первых, и тебе это тоже известно — Миша давно живет в Питере с другой женщиной. И все у него вроде нормально. Во-вторых...

— Ключевое слово — вроде, — облизнув от конфитюра серебряную ложечку, перебила Наташа.

— Наташ, ты вообще считать умеешь? С момента развода прошло четырнадцать лет. И потом, по твоей логике, если она исключит всех, то мой бывший муж тоже попадет в категорию исключительных мужчин?

Но Наташу сбить с толку в этой теме было практически невозможно.

— Всё верно говоришь, подруга. А потом к нему приворожит!

— Пф-ф!

У Петры заканчивались доводы.

— Ты только посмотри шоу экстрасенсов — что там рассказывают про черных магов! Они не такое еще вытворяют. И, ты знаешь, кстати, возможен и другой вариант!

— Предлагаю ограничиться предыдущими версиями и поговорить о чем-то другом.

— погоди, здесь еще не закончили. Я думаю так: твоя бывшая свекровь, наконец, поняла, что у вас уже ничего не сложится и решила сделать назло — чтобы ты больше ни с кем и никогда! Месть, — прищурившись, выдвинула оригинальную версию Наталья.

— Ой, Ната, какая ты фантазерка.

— Не я фантазерка, жизнь фантазирует на ходу. Я бы даже сказала — фонтанирует, обрушивая на нас свои немыслимые сюжеты, — вздохнула глубокомысленно Наташа.

— Красиво сказала, — улыбнулась Петра.

— Самой понравилось, — засмеялась подруга и тут же серьезно добавила, — послушай, Петька, у меня тут на днях запланирована встреча с одной целительницей. Так я про этот разговор все разузнаю досконально.

Петра безнадежно посмотрела на подругу.

— Будешь пирожное? Я профитроли купила к Машиному приезду.

— Эх, давай, — с лицом изменницы Родине согласилась Наталья. — Соблазнительница ты коварная. Петрусик, я вчера на весы встала, и поняла, что пора снова затевать ремонт. Я из холодильника выбросила все вредные продукты. Юрка воет, грозит из дома уйти.

— Какая ты молодец — из дома все вынесла, а в гостях ешь. Образец честности ты, Наташка, — посмеялась Петра.

— Да он, стопудово, в течение дня всякую бяку лопает. А то, что я ем сейчас — это, на минуточку, качественные продукты. И что в этих профитролях с мизинец размером? Сплошное удовольствие. И не смей мне его портить!

— Да ешь, сколько хочешь, только потом не угрожай, что больше со мной за один стол не сядешь.

— Конечно, тебе хорошо. Ты ешь все подряд и хоть бы что. А я после двух плотных ужинов на неделю должна рот зашить.

— А ты не ужинай на ночь. А еще можно выйти на работу или, в крайнем случае, посетить с подругой бассейн.

— Бассейн у меня и дома есть. И я не умею плавать, ты знаешь. И, вообще отстань от меня с этой темой!

— Молчу. — Петра провела двумя пальцами по губам, изображая замок. — Ты права, каждый должен сам решать, как поступать со своим здоровьем.

Наталья покосилась на подругу, подозревая ее в скрытом внушении, и протянула руку к пирожным.

— Как поживает гордость Сорбонны, красавец сын Даниил? Он француженку там себе не нашел? — спросила Петра.

— Говорит — пока ничего серьезного. Скоро мой мальчик приедет на каникулы. Знаешь, я иногда так ругаю себя за то, что мы отправили нашего пацана учиться во Францию. Ничем их образование не лучше нашего. Учился бы в МГУ, жил бы рядышком. Это наш папочка решил, что мужчина должен к самостоятельности привыкать с юности, а то вырастет слюнтяем.

А я, Петра, так волнуюсь — как бы не случилось с ним чего. А вдруг наркотики? Там столько соблазнов, вдруг вляпается во что-нибудь?

— Ната, соблазнов полно везде. Два года прожил без эксцессов, а сейчас ему с чего вляпываться? Он у тебя взрослый, не по годам разумный и потом, ты же мотаешься к нему чуть не каждый месяц. Я уверена, что у тебя все под контролем.

— Да, он вроде не скрывает от меня ничего, а все равно, Петька, ночью иногда проснусь и плачу, плачу...

— Ну, поплакать тебя — профитролями не корми, — засмеялась Петра, обнимая подругу.

— Это да, это я могу, — улыбнулась в ответ Наташа, прихватив новое пирожное. — Ты же мне расскажи, что Машенька? У нее, ведь, защита скоро?

— Защита скоро. После приезда остается всего три недели на монтаж материала. Завтра возвращается. Соскучилась я ужасно.

— Ох, не говори. Детки наши любимые...

— Скоро придет Варя, я поеду в супермаркет за продуктами, а она начнет марафет в квартире наводить. Ты же знаешь — ребенок у меня чистюля необыкновенная. Все должно блестеть и переливаться.

— Это она в твою бабушку. Я помню, как та чистоту плитусов проверяла белой тряпичей. А какие пироги пекла, ммм... — сказка. Ведь ты тоже умеешь, а не печешь, потому, что твоя Клавдия Ильинична их за тебя делает. Смотри, потеряешь квалификацию.

— Какие пироги, я тебя умоляю. А Клавдия Ильинична еле успевает готовить на нашу офисную «компанию-олухов», как она их называет. Они наглеют на глазах. Земляникин недавно попытался ей эксклюзивный заказ к обеду сделать, так чуть половником не получил. И ты знаешь, у него такие скандалы с новенькой — мне порой кажется, что до рукопашного дойдет.

— Новенькая, это та, что от Марины пришла, тоже со смешной ягодной фамилией?

— Да. Настя Смородина. Хорошая девочка, талантливая. Запуталась в жизни. После смерти ее матери папочка поздновато понял, что дочь одинока, несмотря на теток и нянек. Вот дело и дошло до наркотиков. Хорошо, что еще легких — хоть это вовремя заметил. Но ничего, мы ее вытащим. На нее сейчас такая нагрузка ляжет, что ни о чем другом она в ближайшее время и думать не сможет. Такая работа любого оздоровит. Или, наоборот, окончательно с ума сведет, — засмеялась Петра.

— Вот именно. Тебе, дорогая моя, самой пора оздоровиться. У тебя же кожа под глазами в цвет американской валюты и кофе, вон, глушишь, как ненормальная. Что происходит?

— Ничего нового не происходит. Просто рабочий процесс, кажется, включил, скорость света. Да еще Игорь приводит таких клиентов — где он только их берет. Каждому — особое внимание и обязательно мое личное присутствие на всех согласованиях. Времени катастрофически не хватает.

Петра потеряла воспаленные глаза.

— И еще я, кажется, возомнила себя писательницей, — добавила она смущенно.

— Ух ты, ух ты! Я давно от тебя этого ждала, между прочим. Рассказывай!

— Чем больше я думала о неизвестных моментах в истории нашей семьи, чем четче представляла, как это все могло происходить в те времена, и тем больше у меня рождалось желание написать об этом. Конечно, все получается художественно, ведь документальных фактов, сама понимаешь, маловато. Но, надеюсь, что они появятся, когда я найду своих родных.

— Петька, обязательно пиши. Ты вспомни, что тебе наша русичка говорила — ты талант, у тебя превосходный слог и нестандартное мышление.

— Ты не поверишь, но когда в прошлом году мы были с Машей в Европе, прямо в канун Рождества мне приснился сон. Все, что рассказывала мне мама про бабушку Петру, я увидела

как наяву и с тех пор, Наташ, только и думаю о том, как найти своих родных. Ну, должен же кто-то остаться в живых...

— Запросы в Чехию отправляешь?

— Да, недавно снова пришел очередной ответ.

— И...?

— И, к сожалению, ничего нового. По таким скудным данным, не удивительно, что не могут найти: только имя и небольшой период пребывания в России, да еще в начале прошлого века, да еще в такие сложные времена. Мама ведь тоже долго искала, и — безуспешно.

Петра дотронулась до кулона на тонкой золотой цепочке, который носила много лет. При движении бриллиант в замысловатой оправе остро сверкнул на солнце гранями роскошной формы.

— Одна история твоей мамы на целый роман тянет. Это же невероятно, что она перенесла в жизни. Необыкновенная женщина — Марья Андреевна. Я горжусь, что знала ее лично, и папу твоего, и бабушку. И что ты есть у меня, — от избытка эмоций у Натальи выступили слезы.

— И ты у меня, подружка моя любимая. Я должна их найти, Наташ. После того, как мама рассказала мне все, я подумала, что с нашей семьей кто-то затеял странную игру. И я уверена — она не окончена, нужно только сделать верный ход. И сделать его теперь должна я.

— Петька, как-то это страшно все звучит, — выдохнула Наталья.

— Не страшнее, чем твои рассказы о венце безбрачия.

Натали засмеялась, вытянула из коробки салфетку и, промокнув слезы, произнесла:

— Знаешь, о чем я сейчас подумала?

— Боюсь даже представить.

— Петра, ты должна продолжить эту игру или, как минимум, понять, в чем ее смысл. И как только ты все поймешь, тут-то Он и исчезнет.

— Кто? — не поняла Петра.

— Венец безбрачия, кто!

— Натали, умоляю тебя, очнись! Как это может быть связано?

— Пока не знаю. Может и никак. Но о нем тоже не стоит забывать. — Наташа задумалась.

— Хочешь еще глобально умную мысль?

И не оставив секунды на ответ, добавила:

— Когда мы узнаём, откуда мы — лишь тогда понимаем, кто мы есть на самом деле!

Наталья торжествующе тряхнула белым облаком волос.

— Не я сказала — Шлиман, — ответила Наташа на изумленный взгляд подруги.

Петра поаплодировала.

— Наташ, у тебя такой живой мозг, ты же образованная, начитанная дама. Почему ты дома сидишь, свои таланты в саду зарываешь?

— Ой, от кого я это слышу сейчас? От той, которая хочет избавиться от своей работы и постоянно твердит мне об этом?

— Не избавиться, а временно отойти от дел. Я должна это сделать, Наташа, ради памяти моей мамы, — твердо произнесла Петра.

— Должна — значит, сделаешь. Я в тебя верю. Ты всего добилась, чего хотела. И Машенция вся в тебя. Ты лучше расскажи — как у нее диплом продвигается? Она же его делает по теме этого вашего Клуба по обмену домами?

— Да. Когда мы взяли за его продвижение, Маша предложила отснять программу «Дом на обмен» и отдать на канал. Оплата за проект покрывает расходы на рекламу. Все довольны. Да к тому же, и тема для диплома готова — у них в выпуске единицы, кто делает рабочий диплом, а она — единственная, чью программу уже взяли на федеральный канал.

— Умничка, какая. Двух зайцев сразу. Наш человек!

— Сейчас у них съемки в Лондоне.

— Ну вот — Машка диплом защитит и готовый тебе директор!

— Ах, если бы все было так просто. Но дочь моя считает: «куры — отдельно, яйца — отдельно», и близкие родственники не должны работать вместе. Возможно, она права, и спасибо, что согласилась мне помочь хотя бы с продвижением Клуба. Знаешь, как моя бабушка говорила: «Родители совершеннолетних детей, как лук, выпустивший стрелу. Когда она уже в полете, направлять ее движение бессмысленно». На самом деле, неправильно принуждать детей к семейному бизнесу. У каждого свои мечты и путь. Вот если бы ты, моя подруга, согласилась занять мое место, хотя бы на годик...

— Понеслась вербовка! Петрусик, я же обещала — серьезно подумаю. Я понимаю, что тебе надо уехать, что чужих брать не хочешь, что партнер твой Игорек не с каждым договорится, с его-то высокомерием. Честно говорю — подумаю. На лето точно не обещаю — грех летом работать, а вот с нового года можешь на меня рассчитывать.

— Я на тебя очень надеюсь. Это и тебе на пользу пойдет. Меньше своего идеального мужа пилить будешь.

— Ты загнула — идеальный. Хотя... Иногда я чувствую, что завожусь на пустом месте, дергаю его по пустякам, а он терпит — не реагирует на мои загоны, на тормозах все спускает. Как только у него это получается!

— Я же говорю — идеальный, — улыбнулась Петра.

Наталья плеснула в хрупкий фарфор еще кофе, сделала пару глотков, бросила в рот конфетку и умчалась стричь Тэффи, так и не сумев уговорить Петру сходить к лучшему на сегодня московскому экстрасенсу.

Петра проводила подругу и снова поставила на плиту турку с кофе. Мысленно укорив себя третьей чашкой за утро, она принялась закладывать продукты в виртуальную корзину мобильного приложения.

Часы в гостиной пробили половину одиннадцатого.

Скоро полдень. Приедет Варвара — специалист из «Бюро Добрых Услуг». Бодрых услуг, как за высокие цены называет эту контору Наташа.

С приходом Вари в доме все завертится, закружится в стремлении к идеальному порядку. К приезду Маши все должно блеснуть и переливаться. Любовь к безупречной чистоте у Маши уж точно не от мамы. Петра с удовольствием выполняла работу, требующую движения мысли, чего нельзя было сказать про уборку, которую она считала занятием нудным, скучным и абсолютно не творческим.

В детстве, в семье Петры на приведение квартиры в идеальный порядок отводилась пятница. Чтобы в выходные полноценно отдыхать, а не заниматься полами и стиркой, все должно быть сделано заранее. Бабушка с утра прикидывала план битвы с беспорядком. После обеда приходила из школы Петра и наступала реализация плана. Мама присоединялась, если была не на дежурстве. Папа привлекался к пятничной процедуре, только если нужна была грубая физическая сила.

На плечи Петры, как правило, ложилась уборка библиотеки и спальных комнат, мама занималась стиркой и утюжкой. Бабушка генералила гостиную с кухней, параллельно готовила обед и являлась контролирующим органом для внучки, которая неизменно «зависала», как только дело доходило до книжных полок.

Когда звуки в библиотеке затихали, Анна Николаевна понимала, что Петра сидит на стремянке с тряпкой через плечо и книгой в руках. А значит, пора подгонять, напоминать, что пошел второй час, и за это время можно было навести порядок во всей квартире, что, конечно, являлось явным преувеличением.

Петра недовольно возвращала книгу на полку и всякий раз обещала бабушке, что когда станет взрослой и пойдет работать, она непременно наймет домработницу, чем избавит всех от лишних хлопот. В ответ Петра слышала, что лень родилась раньше нее, что стыдно говорить о

помощниках, когда в доме три женщины, и что если Петра сию минуту не спустится со стремянки, бабушка будет вынуждена привлечь к ее воспитанию родителей.

Их вялая перебранка заканчивалась тем, что Петра со вздохом произносила «слушаюсь, моя белая госпожа» и доделывала все на максимальной скорости. Удивляясь тому, как Петра умудряется так быстро вымыть полы — ну, просто, электровеник какой-то — бабушка придирчиво проверяла все углы, пол под шкафами и даже проводила белой тряпочкой по плинтусам. Убедившись в чистоте, она целовала внучку в подставленную вспотевшую макушку и шла накрывать обед.

Ровно в двенадцать раздалась трель звонка. Варя никогда не опаздывала, равно, как и не приходила раньше.

— Привет, Варвара. Вы одна, без дочки?

— Ее пригласила в гости Клавдия Ильинична, мы встретили ее во дворе.

— Хорошо. Я собираюсь в супермаркет, надо что-нибудь из чистящих-моющих?

— На сегодня всего хватит, но вот к следующей уборке нужен гель для ванны, и еще, я хотела предложить..., — запнулась Варя и краска залила ее, без того румяные щеки. — Извините, Петра Олеговна, но вы покупаете такое дорогое средство для стекол, а сейчас есть наше, российской разработки. Оно следов вообще не оставляет, дешевле и тоже экологичное. Я внимательно все этикетки на средствах изучаю. Вы не сердитесь, что я вам это говорю?

— Варя, что ты такого сказала, чтобы на тебя сердиться? Спасибо, что так добросовестно относишься к работе. Я обязательно все куплю.

Когда Петра вернулась из супермаркета, Варя стояла на стремянке в библиотеке и осторожно протирала портреты.

Петра оставила продукты на кухне и, взяв под мышку ноутбук, вышла на балкон. В почте — пять писем, все от Насти Смородины.

«Как обещала закончить проект, так все выполнила. Молодец. В понедельник встреча с новыми клиентами, все должно быть готово».

Рядом прощebetала птичка. Петра оглянулась посмотреть, что за пташка. На перилах сидел воробей и нагло смотрел на вазочку с печеньем. Петра сладко потянулась и взглянула на безоблачное небо.

Весна, весна... Травка зеленеет, солнышко блестит. Петра в детстве возмущалась, читая «Двенадцать месяцев», почему принцесса из сказки такая глупая и злая. Бабушка отвечала, что принцесса росла без любви родителей, да еще и без бабушки. Тепла ей никто не дал, и таких людей пожалеть надо. Маленькая Петра хмурилась и продолжала читать, а бабушка советовала не переживать заранее, дойти до конца, все возможно исправится. «Это сказка, а значит, все закончится хорошо», — обещала она.

Как же все просто и понятно в детстве. В жизни исправить все гораздо сложнее, часто — невозможно.

Варвара вытерла пыль, прошлась специальной полировкой по крышке и ножкам рояля и принялась за мебель. Выбрала из корзинки нужное средство, капнула на салфетку специальной жидкости для обработки кожи и принялась аккуратно протирать мягкой пористой тканью диван.

Петра вошла в библиотеку и вынула из книжного шкафа толстый семейный альбом. Чтобы не мешать Варе, она снова вышла на балкон, села на толстый, пушистый коврик и раскрыла альбом. На первой странице — фотография прадеда с прабабушкой в их загородном доме в Чехове.

Обычно до фотоальбомов в семьях часто не доходят руки. Но не в их доме, где порядком заведовала бабушка. Петра помнит, как однажды зимой в канун нового года, когда хочется во все добавить уюта и красоты, бабушка принесла большой альбом и предложила перенести в

него фотографии. Они собрались всей семьей, разбирали снимки, вспоминали — когда и где они были сделаны. Потом аккуратно клеивали их в альбом, располагая в хронометражном порядке, и подписывали, чтобы можно было проследить важные моменты жизни. В этом и смысл фотографий.

На плиточный балконный пол скользнул солнечный луч и замер, прихватив край горшка с петунией. Балконом эту часть квартиры можно было назвать весьма условно, скорее он тянул на полноценную лоджию.

Четырехметровую длину одной из своих стен он делил со спальней и комнатой, которую отец Петры много лет назад превратил в огромную библиотеку. Сейчас в ходу электронные книги. Но хочется надеяться, что люди не перестанут находить прелесть в печатных вариантах, а первоиздания все также останутся в цене. Разве можно сравнить холодный блеск экрана с шелестом, заманчиво пахнущих типографской краской, книжных страниц. Вечные ценности.

С поступлением новых книг из библиотеки гордо удалились буфет и тяжеленный дубовый стол, переехав на постоянное местожительство в гостиную. После интерьерной перестройки здесь остались только бабушкин рояль, диван с двумя ушастыми креслами, письменный стол и маленький шахматный столик. Все остальное место оккупировали ручной работы книжные полки. Получился настоящий книжный бункер, который Петра обожала. На стенах висели портреты ее любимых писателей. Было так приятно провалиться в уютное «ушастое» кресло, поставить рядышком на столик чашку ароматного чая и наслаждаться чтением, ни о чём не волнуясь, чувствуя за спиной крепкий тыл близких, родных людей.

За свою историю квартира пережила много ремонтов, тем не менее, сохранив свой исконный классический стиль. Гаджеты входили в эту квартиру осторожно, как прислуга в дом к новому хозяину, изначально понимающая и покорно принимающая свое служебное назначение. В интерьере дома всегда хозяйничали книги, культ их передавался из поколения в поколение. Книжные полки достраивались с приходом в дом новичков.

Библиотеку начал собирать еще прадед Роман Георгиевич. У него был свой замысловатый вензель, который он ставил на вторую обложку каждой приобретенной книги. Старинная мебель, сделанная его руками, тоже занимала важное место в доме. Стиль поддерживали уникальные люстры и столовое серебро, непонятным образом сохраненные во время войны. Дубовый резной комод, тщательно выточенный прадедом, до сих пор хранил результаты любимого дела бабушки, Анны Николаевны — расшитые гладью скатерти, салфетки и постельное белье. Роман Георгиевич делал мебель индивидуально для каждой комнаты, включая детскую.

Своего прадеда Петра знала только по рассказам бабушки. Он умер задолго до ее рождения. Военврач, последователь Боткина, Роман Георгиевич Терентьев окончил медицинскую академию, защитил докторскую и, проработав много лет в больнице для бедных, написал много серьезных трудов по вирусологии, получивших широкое практическое применение. В тридцать лет доктор Терентьев женился на Елене Петровне Белявской, происходящей из богатой купеческой семьи торговцев шелком. Через год у них родился мальчик, которого назвали Петром — в честь отца Елены. Доктор Терентьев был настолько погружен в работу, что во время эпидемии испанки не заметил первых признаков болезни у жены, и до конца дней, так и не простил себе, что он — врач-вирусолог, не смог уберечь самого близкого человека. Она умерла во сне, когда Роману Георгиевичу уже казалось, что болезнь отступает.

Он похоронил жену на деревенском кладбище, в селе Лопасня, из которого позже вырос подмосковный Чехов. Там от ее родителей осталось большое родовое поместье и Роман Георгиевич, в возрасте пятидесяти двух лет, уйдя в отставку, провел в нем остаток жизни. Он мастерил уникальную мебель, разводил живность, ухаживал за огромным садом и лепил на гончарном станке глиняную посуду.

После смерти Елены, десятилетнего сына Петеньку забрала к себе бездетная сестра Романа Георгиевича — Фаина, живущая с мужем в Англии, в небольшом городке на побере-

жье Ла-Манша. Там Петр получил образование в Кентерберийском колледже и вместе с русскими коллегами занимался наукой в одной из лабораторий Кембриджского университета, где и познакомился с будущей женой — дочерью русского дипломата, красавицей Анной. Он вернулся с ней на Родину уже в зрелом возрасте и остался навсегда по настойчивому предложению официальных лиц новой для него страны, отказаться от которого не представлялось возможным.

Петру Романовичу выделили в пользование дачу и вернули квартиру, экспропрированную во времена революции. Вместе с женой он часто навещал стареющего отца, который жил затворником в деревне больше тридцати лет, так и не взглянув ни на одну женщину. Пока был в силе, Роман Георгиевич изготовил большую часть мебели для квартиры в особняке. Закончив мастерить детскую для будущих внуков, он неожиданно слег и вскоре скончался на руках у сына, на девяносто втором году жизни.

Говорят, когда в семье умирает один скорпион, то довольно скоро рождается новый. И через год, в ноябре у Петра и Анны родился сын Олег.

Фотография Романа Георгиевича в парадном мундире рядом с креслом, в котором королевой восседала его любимая Елена, и по сей день стоит на рояле в библиотеке.

Жена Петра Романовича — бабушка Петры — Анна Николаевна всю свою жизнь после замужества посвятила семье. Получив отличное образование, она говорила на трёх языках и прилично музицировала.

Петра помнит, как бабушка аккомпанировала исполнительнице романсов, жене Марка Петровича — близкого друга родителей Петры. В доме любили устраивать праздники. Бабушка с мамой пекли фирменные круглые пироги или делали маленькие пирожки, которые подавались с бульоном, изобретали салаты и горячие блюда, а их рецепты мгновенно расходились по друзьям.

Гостиная, в которой устраивались, как говорила бабушка, приемы, раньше была комнатой рядом со сравнительно скромной для большой квартиры кухонькой. При строительстве дома, в каждой квартире предусматривалось пять комнат. Бабушка предложила для удобства снести кухонную перегородку. Получилась большая гостиная — столовая, две спальни и бело-снежная детская, в которой Петре не было нужды представлять себя принцессой — все вокруг было, как в сказке.

Волшебная резная кровать была украшена, искусно расшитым бабушкой, бледно-розовым балдахинном. Комод, стулья с резными башенками и круглый детский стол были выполнены с таким мастерством, что сложно было поверить, что их делал непрофессиональный плотник.

Петра до сих пор, независимо от веяний моды на разные интерьеры, ничего не выбрасывала и не меняла в стиле, лишь реставрируя мебель. Сильно потрескавшаяся от времени темно-зеленая кожа с прожилками на сиденьях стульев и диване, была заменена новой, той же фактуры и цвета, а в широкие дубовые кровати были вставлены новые каркасы с ортопедическими матрацами.

Книжные полки тоже содержались в идеальном порядке, как и доставшаяся Петре от папы коллекция бюстов. Они гордо располагались перед книгами, будто представляя их авторов.

Олег Петрович Терентьев, летчик — испытатель, много лет коллекционировал головы вождей — бюсты королей, президентов и предводителей всех времен и народов.

Теперь эту коллекцию пополняли Петра и Маша. Недавно из Италии приехал бронзовый Понтифик XVI, а из Германии Маша привезла гипсовую Ангелу Меркель.

У мамы Петры — Марии Андреевны тоже было свое увлечение. Несмотря на высокую занятость в больнице, где она много лет работала заведующей хирургическим отделением, она выращивала цветы, которыми могла похвастать не каждая оранжерея. Буквально из косточки

поднимались экзотические цитрусовые, хурма, гранатовые деревья. Зная увлечение доктора, благодарные пациенты, имеющие возможность выезда за границу, привозили ей ростки, которые она после утомительных переездов, выхаживала, словно пациентов.

Летом с балконных горшков, радуя глаз соседей, свисала пышными гроздьями красавица Азарита сорта Коккинеа. Все, что не умещалось в квартире и на работе, вывозилось в чеховский дом Терентьевых, где постоянно жила мамина подруга Вера, тоже страстный цветовод.

Петра помнила, что дед Петр Романович — известный ученый — много работал и редко бывал дома. Рано утром у подъезда уже ждала служебная машина, которая возвращала его домой уже за полночь. Олег Петрович вспоминал, как его мама в ожидании мужа, часто стояла у окна, укутавшись в шаль. Слышал, как потом они разговаривали вполголоса, боясь его разбудить, когда мама кормила отца ужином. Кулинаром она была превосходным. Из ерунды могла сделать вкуснейшее и неизменно красивое блюдо.

После смерти Петра Романовича и раньше немногословная Анна Николаевна совсем замолчала. Первое время она, по привычке, каждый вечер подходила к окну, но уже ненадолго и, промокнув платочком глаза, шла к себе в спальню. Через сорок дней, она сказала переживающим за ее состояние детям: «Когда придет время, я отправлюсь к своему мужу, а пока, позвольте быть нужной вам и моей внучке».

Когда Петра была в садике, а позже в школе, Анна Николаевна готовила обеды и ужины, пекла пироги, и потом все свое время отдавала любимой внучке.

Бабушка вышивала гладью совершенно неповторимые вещи. Петра хорошо помнила, как засыпая в своей кроватке под колыбельные бабушки, она смотрела на плавные движения ее рук с иглой, скользящей по материалу, туго натянутому на пяльцы.

На глазах гладкие нити закручивались в замысловатые узоры. За годы этого увлечения четыре длинных ящика комода заполнили скатерти и салфетки самых разных размеров, конфигураций и расцветок. Одна из белых скатертей, расшитая по краю мелким речным жемчугом, выглядела особенно элегантно.

В канун нового года в гостиной столик для подарков под пушистой, разлапистой елью покрывала красно-зеленая скатерка с вышитыми на ней именами членов семьи. А в пасху, которая официально долгое время запрещалась, но всегда отмечалась в их семье, главный стол украшала скатерть цвета шампанского с вышитыми курочками и цыплятками. На одной стороне скатерти — цыпята, только вылупившись из яиц, высовывали свои распушенные головки, а с другой — курочка с выводком уже шествовали вереницей, гордо поднося клювики.

Иногда понять рисунок на некоторых изделиях представлялось возможным не сразу. Подобранные в тон нити на первый взгляд сливались в единый узор. Увидеть картину в целом можно было, разложив скатерть на ровную поверхность. Тогда открывалось единство соединенных в целое отдельных кусочков.

«Главное состоит из частного, — говорила Анна Николаевна внучке, сидя за очередной вышивкой. — Я порой и сама не знаю, что получится в итоге. Но в каждом конкретном кусочке, в том, что делаю в данный момент, я полностью уверена. Да и зачем нам знать, что будет впереди. Надо наслаждаться текущим моментом».

Петра отложила альбом и, скрестив руки на груди, взглянула поверх балконных перил на готовую распуститься белым цветом раннюю яблоню. Еще чуть-чуть и накинёт она свою белую фату, а ее соседка слева — сирень начнет томно наполнять воздух дурманящим ароматом.

Мама очень любила запах сирени. От нахлынувших воспоминаний у Петры запершило в горле.

Из-за горшка с фикусом сорта Бенджамин, вальяжно потягиваясь, вышла Монро. Некоторое время она заинтересованно смотрела на Петру, потом, словно приняв сложное решение,

запрыгнула ей на колени. Для Мони — невероятной щедрости поступок. Кошки чувствуют настроение хозяев, и сейчас Монро, обычно презирующая всяческие прикосновения, охотно подставила хозяйке свою спинку.

Петра пересела в кресло-качалку и, поглаживая урчащую кошку, прикрыла глаза.

В стекло балконной двери тихонько постучали.

— Петра Олеговна, извините, что потревожила...

— Ничего, Варя, не переживайте, — ответила ей Петра, жестом предлагая войти.

— Я только хотела спросить — надо ли разложить продукты из пакетов?

— Не надо, я сама. Вы закончили с делами?

— Почти закончила. Сейчас уберу поутюженное белье и на сегодня — все. А в следующий раз я новым средством освежу окна.

Петра взглянула на безупречно чистые, на ее взгляд, стекла, переложила Монро на пуфик и направилась разбирать пакеты.

«Опять рука тянется к турке. Просто зависимость какая-то. Решено — с завтрашнего дня буду пить кофе только до обеда и не больше двух чашек. В крайнем случае, трех. Сегодня — день исключения. Последний раз», — мысленно пообещала себе Петра.

— Варвара, кофепауза!

— Так я же кофе не пью, Петра Олеговна, — откликнулась Варя из гардеробной.

«Вот — могут же люди без кофе».

— Мне — чайку, если можно, — попросила девушка, входя в гостиную, на ходу снимая фартук с логотипом «Бюро Добрых Услуг».

Варя приехала в Москву из Запорожья год назад с мужем и трехлетней дочкой Ксаной. После неудачного падения с горки, малышке требовалась сложная операция в отделении челюстно-лицевой хирургии.

Они сняли комнату в коммуналке и, пока Варя находилась с ребенком на лечении, ее смазливый супруг устроился водителем к богатой возрастной вдове бывшего авторитета, и вскоре ради нее бросил Варю с дочкой, которая еще находилась на лечении. Молодая мама, имея за душой только среднее, хоть и медицинское образование, долго не могла найти работу со скользким графиком. И вот, наконец, повезло, да еще как. Землячка Аня, давно обосновавшаяся в Москве, сообщила, что есть вакансия в их клининговой компании. Варя, не оставляя надежды устроиться по специальности, решила не упускать и эту возможность. «Не в моих правилах капризничать. Тем более, сейчас».

Уборка в квартире Терентьевых раз в неделю, по пятницам, занимала немало времени — площадь большая, много окон, огромные стеллажи с книгами и старинная мебель, за которой нужно правильно ухаживать. Но Варя очень старалась.

В ее обязанности входила работа, как она сама выражалась, поверхностная. Не требовалось раскладывать разбросанные вещи или разбирать завалы в гардеробной просто потому, что их не было.

Порядок в этом доме жил, судя по всему, всегда и было заметно, что хозяева поддерживают его сознательно.

Пока белье крутилось в стиральной машине, Варя пылесосила, протирала пыль, мыла полы, чистила сантехнику и все приборы на кухне. Потом утюжила постельное белье, как учила ее мама — «с маленькими хитростями», которые делали его идеально гладким, как новое.

Первое время, явно с целью ревизии, заходила, строгая с виду, соседка Клавдия Ильична. Она открывала своим ключом дверь, придирчиво оценивала Варину работу, оставляла в холодильнике готовую еду и, молча, удалялась.

Варя иногда брала с собой на работу дочку. Правилами конторы это было категорически запрещено, но Петра не возражала и даже приветствовала, в отличие от других клиентов, которые слышать не хотели о чужих детях в их квартирах.

Клавдия Ильинична, увидев смышленную, вежливую девочку, впервые заговорила и Варя узнала, что соседка Петры Олеговны раньше сама помогала ей по дому. Но теперь у Клавдии Ильиничны другие важные обязанности — она обеспечивает обедами сотрудников в фирме Петры.

Пока Варя работала, баба Клава, как называла ее Ксана, забирала девочку к себе. Она угощала ее вкусностями, читала книги и укладывала спать после обеда, если Варя задерживалась с уборкой.

«Как же мне везет на добрых людей. Зря в Украине говорят, что все москали злые и высокомерные», — думала Варя.

Она искренне считала, что хороших людей намного больше, и что однажды все наладится и у них с дочкой. Она сможет снять хорошую квартиру, а не комнату в коммуналке, и мужчину встретит доброго, и Ксана пойдет в школу с изучением иностранных языков, и тоже вырастет такой же умной и образованной, как Маша — дочка Петры Олеговны».

Зазвонил домашний телефон. Клавдия Ильинична уточнила, готовы ли они обедать: «Пироги уже стынут».

Через минуту хлопнула дверь, и в квартиру влетела, как златокудрое облачко, дочка Вари. Малышка приплясывала на ходу, кружилась и напевала «Пусть бегут неуклюже...».

— Ксана, осторожно, не упади, — кричала ей вслед Клавдия Ильинична.

С пирогами на столе появилась слабосоленая рыба, фаршированные грибами лодочки из картофеля и супница с мясным бульоном.

— Клавдия Ильинична, ну зачем? Еды полон холодильник, я только что из супермаркета. И семга у меня тоже есть.

— Вот и будет в очередной раз возможность почувствовать разницу между засолкой. Моя рыбка — «будто только плавала», — ласково произнесла Клавдия Ильинична и тут же строго добавила, — и не еды у тебя полно, а продуктов. Когда Машенька прилетает?

— Завтра. Рейс в два.

— Хорошо. Значит, с утра успею вам обед приготовить, — довольно произнесла пожилая женщина.

Петра развела руками, переглянувшись с Варварой. Ксюша устроилась на руках у мамы, усадив рядом игрушечного мишку в зеленой тужурке.

Несмотря на возраст, Клавдия Ильинична удивляла необычайной энергией и активностью. Кроме дачных работ, она пять раз в неделю готовила полноценные, домашние обеды на весь коллектив фирмы Петры.

Муж ее, Василий Митрофанович, состоял в штате менеджером по снабжению, и при необходимости исполнял роль второго водителя.

— Клавдия Ильинична, не надо готовить! — умоляюще произнесла Петра. — Я сама все сделаю. У меня выходной, как и у вас, между прочим.

— Не спорь, — строго произнесла Клавдия Ильинична, — часам к десяти все принесу. К Машеньке вечером зайдем, а днем мы с Митрофанычем съездим на дачу.

— Как скажете, Клавдия Ильинична.

— А ты, моя дорогая, вот что — сегодня лучше отдохни и выспись, как следует. Ты, вон, вся зеленая.

— Опять зеленая. Да что ж вы все сговорились, что ли?

— Так проблемы, что называется на лицо. Я тебя такой уставшей сто лет не видела. Подумай, дочка, нельзя так себя загонять, ни одна работа того не стоит.

Петра согласно покивала головой. Спорить с ней в вопросах еды и здоровья было бессмысленно.

— Значица, так, — задумчиво произнесла Клавдия Ильинична, подперев руками бока, — я утром пораньше тесто поставлю и свежих напеку пирожков, Машенькиных любимых — с капустой, и еще чахохбили сделаю. Маша любит курочку в собственном соку. Что еще...

Она взглянула на супницу.

— А! Еще ее любимый супчик из домашней лапши. А то я тебя знаю — настрогаешь своих диетических салатов из одной травы, а девочка там в этих заграницах, наверное, толком не ела. Что ж, я твоих олухов офисных кормлю каждый день, а Машеньку разве не порадую?

— Да я сама..., — снова попыталась слабо возразить Петра.

— И не спорить!

— Есть, — приложив руку к виску, засмеялась Петра. — Видишь, Варвара, как все строго в нашем доме?

«Ах, если б у меня был такой дом и такая соседка Клавдия Ильинична, да я б с ума сошла от счастья», — думала Варя, прислушиваясь к звукам из библиотеки, где дочка уже листала детские книжки, специально выставленные для нее на нижние полки.

В такие моменты Варя забывала о муже, маленькой обшарпанной комнате в пропахшей табаком и алкогольными парами коммунальной квартире. Она чувствовала себя абсолютно счастливой в этом доме, где нет высокомерия, где не пахнет предательством, где люди сидят с ней за одним столом и относятся к ней уважительно, хоть она и лимита украинская, как называла ее соотечественниц завхоз в их агентстве. Добрых людей больше, Варя это знает точно.

Послышались детские шаги, и в гостиную вошла Ксана, с трудом удерживая в руках увесистый фотоальбом. Девочка подошла к Петре и взглянула на нее вопросительно.

— Кто там? — спросила девочка.

— Ты хочешь, чтобы я тебе рассказала, кто на фотографиях?

Девочка радостно кивнула. Они сели на диван и любопытная кроха, тыча маленьким пальчиком, внимательно разглядывала снимки, дотошно расспрашивая: «Кто это? А это кто?», пока Варя не настояла на том, что пора идти домой.

Оставшись одна, Петра обошла, блистающую чистотой, квартиру и вернулась в гостиную, бросив по дороге грустный взгляд на красную жестяную банку с кофе. Старинные напольные часы пробили пять раз.

Вот и день прошел, и вечер абсолютно свободен. Когда Маша выйдет замуж и будет жить отдельно, такими окажутся многие вечера.

Петра подошла к столу, где остался лежать открытым фотоальбом. В центр обтянутой кожей обложки был вставлена бабушкина вышивка. Петра провела пальцем по выпуклому тюльпану. На ее день рождения папа всегда приносил сирень и тюльпаны.

Память прочно хранила детские и юношеские ощущения семейного тепла, любви, покоя. Когда все хорошо, потому что есть защита, есть папа, мама, любимая бабушка и поэтому всё в жизни будет хорошо.

Папа — известный летчик, закончивший военную академию, показал чудеса профессионального долголетия, почти до сорока пяти лет, проводя сложные испытания истребителей в критических режимах.

После выхода на пенсию он преподавал в академии, которую сам заканчивал, защитил диссертацию и был одним из самых уважаемых коллегами и студентами преподавателем.

Родители работали допоздна, и воспитание Петры с удовольствием взяла на себя бабушка. Анна Николаевна с детства обучала внучку языкам, музыке и тонкостям этикета. В пять лет девочка хорошо читала, наигрывала несложные детские пьесы и пересказывала бабушке русские сказки на английском и французском языках.

Совсем маленькой Петру стали брать с собой в театры и музеи. В Большом она внимательно наблюдала за солистами балета, а потом дома пыталась воспроизводить их па, скользя

по начищенному, блестящему паркету. После первого похода в Третьяковку, она устроила детскую выставку рисунков для своих домашних. Родители выступали в роли критиков, не только хвалили, но и делали замечания, воспитывая в дочери адекватное к себе отношение.

Бабушка первой узнавала все секреты Петры, радости и печали, а вечером, после рабочего дня, в новости посвящались мама и папа.

Олег Петрович состоял в постоянной шутиливой конфронтации с бабушкой и женой, потому что обращался с дочкой, как с принцессой, разрешая ей все, что та ни пожелает.

Петра с детства искала золотую середину между «все можно» и «думай хорошо, что можно, а над чем не стоит даже размышлять».

Всеразрешающая папина любовь гарантировала ей уверенность в своей индивидуальности, девичьей красоте и талантах, а умеренная строгость со стороны бабушки и мамы учила дисциплинированности и ответственности за свои поступки.

Кроме слов «хочу» и «люблю» Петра знала, что на свете существуют понятия — «должна» и «надо».

Было «надо» не только хорошо учиться по основным предметам, но и выбрать развивающий факультатив, а также дополнительную физическую нагрузку.

«Свободное время — главный враг подростка», — вспоминала Петра слова бабушки. Позже она поняла, как семья грамотно расставляла приоритеты в ее жизни, как верно ее направляли, при этом всегда предоставляя разумный выбор.

Чтобы внучке было легче понять — где, как выражался папа, зарыт ее талант — Анна Николаевна отвела Петру в балетную школу, студию балльных танцев, художественную и музыкальную школы. В последней Петре проверили слух, и он не оказался, к великому сожалению бабушки, абсолютным. Мечтающая дать внучке хорошее музыкальное образование, Анна Николаевна сначала немного расстроилась, но потом констатировала: «Что ж — нет, так нет, и нечего в таком случае, мучить чужие уши».

Популярную в то время легкую атлетику и фигурное катание решили даже не рассматривать. Никто в семье не был сторонником профессионального спорта.

Из всего предложенного Петра выбрала балльные танцы, а в качестве факультатива в старших классах добавила литературный кружок.

Попасть в него было делом невероятно сложным. Все знали крутой нрав русички, как называли преподавателя литературы и русского Анжелику Порфирьевну. Ходили слухи, что занятия в кружке похожи на собрания закрытого общества посвященных. А тех, кто пытался попасть в него ради улучшения оценок или с целью войти в круг избранных отнюдь не по причине любви к литературе, ждало неминуемое разочарование. Анжелика Порфирьевна была дамой проницательной и непреклонной во всех отношениях.

80-ые.

— Что ж, приступим! Поздравляю всех с первым днем нового учебного года. Он станет для вас завершающим, а значит, это последний шанс оставить о школе приятное впечатление. И, разумеется, школе — о вас, что значительно сложнее.

Преподаватель литературы и русского языка, с экзотическим именем Анжелика и не совсем уместным отчеством Порфирьевна, сложила в стопку книги, открыла большую тетрадь, в которой писала план факультативных лекций и начала занятие, по привычке меряя не поженски широкими шагами классную комнату.

Эта, неопределенного возраста дама с хриплым голосом и неизменным начесом прокуренных волос, с первого урока покорила Петру не только своим интеллектом, но и смелостью в выражении взглядов на литературу и современную цензуру. Завуч и директор недолюбливали преподавателя, побаивались, что ее высказывания приведут к проблемам, но продолжали

терпеть. Анжелика Порфирьевна из года в год на всевозможных конкурсах получала звание лучшего учителя литературы, и в этом, ей на самом деле не было равных.

Любовь к литературе этой немолодой, одинокой женщины накрывала учеников и, либо увлекала дальше в огромный мир познания, либо просто заставляла уважать то, о чем она с таким талантом рассказывала.

Выслуживаться перед ней, как пыталась делать классная отличница Олечка Медведева, было лишено всякого смысла. Анжелика Порфирьевна признавала только действительно личное мнение учащегося, его настоящее стремление узнать о литературе как можно больше и, конечно, однозначное уважение у нее вызывали ученики, которые сами талантливо писали. Она могла им простить плохое знание орфографии, не всегда хорошее поведение, даже отставание в знании ее любимой литературы девятнадцатого века.

«Талант имеет право на недостатки, а посредственность должна стремиться к идеалу среди своих, потому что выше ей не прыгнуть. Не прыгнуть — в моем понимании. Если говорить об общественных мерках, то именно посредственности, как ни грустно, сейчас занимают наиболее ответственные посты», — рассуждала она во время факультативных занятий. — «Я говорю вам об этом, потому что, как мне кажется, вы способны думать независимо. Иначе вы бы здесь не находились».

Запретить посещать факультатив она не имела права никому, но лишние люди здесь, так или иначе не задерживались. Особенно усердная в учебе Олечка Медведева, походив неделю на занятия, тихонько устранилась, поняв, что не хочет до такой степени усложнять себе жизнь и, главное — выглядеть здесь, мягко говоря, бледновато.

«Пятерку по моему предмету, Оля — а ведь именно это твоя главная цель — ты, по всей видимости, возьмешь усердием. Так что не трать, пожалуйста, свое и мое время, займись чем-то другим», — советовала ей Анжелика Порфирьевна.

Петра закинула в свою комнату портфель и, услышав голоса родителей, заглянула через окно библиотеки на балкон. Мария Андреевна копалась в многочисленных горшках и вазонах. Олег Петрович сидел в плетеном кресле-качалке, скрестив ладони рук, и с нескрываемым обожанием наблюдал, как жена, откидывая испачканной рукой прядь непослушных волос, оставляет на своей щеке земляной след.

У Петры с детства были свои личные грабельки и лопатка, а также разделенные с мамой обязанности по уходу за цветами, которые размножались в доме с той же скоростью, что и книги. В холодное время цветы отсиживались в комнатах, а по теплу переезжали в летние лагеря, как называла, Мария Андреевна балкон. Часть ее питомцев поселилась в больнице, заняв большую часть кабинета, и вырвавшись в коридор, расположились в подвесных горшках на стенах, широких больничных подоконниках и даже на дежурном столе.

— Хорошо, что у тебя есть твоя больница. Иначе наша квартира давно бы превратилась в непроходимые джунгли, — заметил жене Олег.

— Кто бы говорил. Скоро полки начнут рушиться от коллекции твоих вождей, — парировала Мария. — Пыль, кстати, с голов твоих гипсово-металлических друзей снимаем мы с дочкой.

Олег с нескрываемым удовольствием смотрел на жену.

— Смотри, будешь обижать мои цветы, мы однажды забудем это сделать, — улыбаясь, добавила она. — И согнут они свои всемогущие головы под гнетом пыли вековой.

— Убедила! Беру свои слова обратно. Хочешь, я освежу твою ламинарию? — смеясь, предложил Олег Петрович, потянувшись за опрыскивателем.

— Это не ламинария, — перехватила пульверизатор и, хохоча, направила на него Мария Андреевна.

Увернувшись от острых струек воды, Олег Петрович обнял и поцеловал жену в висок.

Петра, с нежностью смотрела на родителей, слушая их разговор. К пятнадцати годам, как водится за одно лето, Петра из угловатого подростка превратилась в стройную, узкокостную красавицу с шикарной каштановой косой. Шоколадного цвета глаза под пушистыми ресницами, великолепная осанка, длинные ноги и появившиеся за лето в нужных местах округлости, превратили ее в объект постоянного внимания со стороны сверстников. Но поведение мальчиков всегда проходило через призму родительских отношений, где уважение и поддержка стояли на первом месте.

Иногда отец и мама ей напоминали старшего брата и сестру, которую он нежно любит, а она с благодарностью принимает эту любовь.

«Может, так и должно быть в браке, — рассуждала пятнадцатилетняя Петра. — Ведь страсть, как говорит бабушка, удел первых пяти лет и вообще, продукт скоропортящийся. На смену страсти, если это настоящие отношения, приходит любовь, которая держится на трех китах: уважение, поддержка во всем и влечение друг к другу».

Петра вышла из библиотеки и встала на высокий балконный порожек.

— Привет, мама и папа. Как же приятно видеть вас дома вместе. А где бабуля?

— Доченька, привет, — дружно ответили родители.

Отец подошел к Петре и, чмокнув в щеку, сообщил:

— У бабушки закончились ее цветные ниточки.

— Мулине, — подсказала мама.

— Да. И она поехала в свой любимый магазин на Покровке. Велела тебе напомнить, что сегодня вы идете на принца Датского, — сказал Олег Петрович, заправляя за ухо дочери такую же как у мамы, волнистую прядь волос.

— А-а-а, точно, блин, сегодня же — «Гамлет» с Высоцким! — хлопнув себя по лбу, воскликнула Петра. — С этой школой я все забыла.

Мария Андреевна строго взглянула на дочь.

— Петра, есть одно заболевание, при котором человек делает лишние движения. Здоровых людей при общении это непривычно напрягает. Но болезням есть оправдание, чего не скажешь о лишних словах. Подумай на досуге, почему их называют паразитами.

Петра подняла глаза в потолок, потом посмотрела на маму и хмыкнула.

— Я подумую. Возможно, ты права. Но так сейчас все говорят.

— Мне казалось, что быть как все — это не твое кредо, — заметила мама.

— Машенька, будь великодушной, это же просто молодежный сленг, — встал на защиту дочери отец.

— А ты, как всегда, потакаешь, — упрекнула мужа Мария Андреевна.

— Родители! Я готова отказаться от всех слов-паразитов, только бы не сеять раздор в наших рядах, — засмеялась Петра и, как обезьянка запрыгнула на папу.

— Папочка, мой папулечка, мой любимый защитник!

Мария Андреевна покачала головой, безнадежно взглянув на мужа и дочь, и склонилась к цветочным горшкам.

Усадив Петру в кресло, Олег Петрович снова пригладил ее волосы и доложил:

— Дамы, я — в гараж, готовить нашу ласточку к завтрашнему рывку загород.

— Ура! Мы едем в деревню!

— Да, доча, осталось совсем немного теплых деньков, надо их провести, по возможности, на свежем воздухе. Тетя Вера требует вывезти ребенка на природу.

— Ребенка не против! — захлопала в ладоши Петра.

— Ладно, мои любимые женщины, я улечел.

Чмокнув по очереди дочь и жену, Олег Петрович ушел.

Мария Андреевна, стоя на коленях, продолжала колдовать над редким цветком с внешностью динозавра, осторожно пересаживая его в большой горшок. Руки в хирургических пер-

чатках действовали ловко, как и скальпель на операционном столе. Закончив с очередным цветочным питомцем, она вытянула затекшие ноги и, прислонившись к стене, с удовольствием посмотрела на свою работу.

Петра встала из плетеного кресла-качалки и подошла к перилам балкона.

— А как вы познакомились с папой? — спросила Петра, взглянув на маму.

— Подай мне, пожалуйста, водички, — делая вид, что не замечает вопроса, попросила Мария Андреевна.

— Ну, мам, расскажи...

— Что рассказать, дочка?

— Где встретились, и сколько у вас длился период безумной страсти? — не унималась Петра, протягивая маме лейку.

— Да, не помню я, Петра. Это все было так давно. Что это тебя заинтересовали такие вопросы. Уж не влюбилась ли?

— Мам, не переводи, как обычно, тему с вас на меня.

Петру не переставало удивлять, что ни папа, ни мама, ни даже бабуля, не могли ничего подробного рассказать на эту тему.

— Вы сговорились, что ли, родственники? Что за тайну семейную скрываете?

— Ничего мы не скрываем, — почти хором ответили Мария и входящая на балкон с кучей свертков бабушка.

Все тут же рассмеялись. И Петра подхватила общую атмосферу веселья. Сначала бросилась целовать маму, потом так зажала в объятьях бабулю, что та чуть не задохнулась.

— Петра, ты же задушишь меня!

— Бабуля, у нас точно нет ничего ужасающего в семейных архивах? — перед сном решила уточнить Петра.

— Подумай сама, внученька, — подоткнув со всех сторон одеяло, ответила бабушка, — разве в такой любящей семье может быть что-то ужасающее? Мы все друг друга очень любим, а тебя — больше всех. Я думаю, ты это сама чувствуешь.

«И правда, — поразмыслила Петра. — Достаточно посмотреть на то, с какой любовью смотрит папа на маму, и как мама до сих пор мило кокетничает с ним».

Петра повернулась на другой бок, и подложила ладошки под щеку.

«Какая же счастливая у нас семья. Однажды и у меня будет муж и детки. Мама с папой станут бабушкой и дедушкой, а бабушка — прабабушкой... и заживем мы еще лучше...», — засыпая, мечтала Петра.

Подруга детства Марина уезжала в Германию. Гвардейскую танковую дивизию ее папы переводили в Потсдам. Для девочки переезды давно стали нормой жизни. Но сейчас Марину сильно огорчало расставание с Москвой и подругой Петрой, с которой они прошли детский сад, лизали металлическую горку и в шесть лет договорились, что первого сентября будут вместе звонить в колокольчик. И через год десятиклассник Федор пыжился изо всех сил, делая вид, что ему вообще не сложно нести на обеих руках двух рослых первоклассниц, которые ухватив один колокольчик, с упоением трясли им на зависть других первоклашек.

Быть избранным «звонарем» на утреннике было предложено Петре — внучке известного ученого. Но та категорически заявила, что делать это станет только в паре с Мариной Минкиной. Родители улыбнулись и поддержали желание дочери, а завуч не стала спорить с именитой семьей, и все прошло впечатляюще. Зал дрожал от аплодисментов, а родители и учителя прослезились от двойного эффекта, глядя на восторженных, счастливых девчушек с огромными бантами.

Теперь верная подруга Маня уезжала. Обнявшись, они сидели в парке на Сокольниках, глядя, как падают осенние листья, сплетая на лету пестрый ковер. В парке витал запах дыма и дождя.

Марина плакала, растирая замшевой перчаткой слезы.

— Маняшечка, не плачь, прошу тебя. Папа твой однажды выйдет в отставку, и вы все равно вернетесь обратно, в Москву. Я уверена в этом.

— Петь, все понимаю, но у меня здесь все — ты, школа, партнер по танцам. А там что — опять все заново начинать? Мы с мамой уже так устали. Папу не переводили столько лет, и вот снова-здорово.

Марина вернулась в Москву через пятнадцать лет дипломированным специалистом-неврологом, получив престижное образование на медицинском факультете Берлинского университета имени Гумбольта.

А через месяц после ее отъезда в Германию в класс пришла новая девочка.

— Всем физкультпривет, — взмахнув модным кожаным дипломатом, произнесла новенькая.

Учительница химии и классный руководитель Ирина Васильевна строго взглянула поверх круглых очков.

— Кто такая?

— Ваша новая ученица — Наталья Божко. Прошу, как говорится, любить и жаловать, — отвесив издевательский поклон, ответила Наташа.

После известия о том, что ее переводят в другую школу, она принялась активно выражать протест родителям, а теперь и новой школе. Надеясь, что ее отсюда, благодаря плохому поведению выгонят Наташа, едва переступив порог школы, приступила к воплощению плана: хамить, опаздывать, а по возможности совсем пропускать уроки.

Родители переводом в школу другого района и временным проживанием у бабушки, решили уберечь девочку от внезапно нахлынувшей на нее любви. Однажды, вернувшись с дачи на день раньше, они застали дочь в интимной обстановке с одноклассником. Акт любви не успел свершиться, но Наташе было суждено пройти все этапы позора у гинеколога и моральную порку на большом семейном совете.

Теперь по решению родительского суда она переехала к бабушке, на которую было возложено исполнение приговора — выбить из девочки всю дурь. Ее встречала и провожала служебная отцовская Волга. Рядом с водителем сидела бабуля с папиросой «Беломорканал», зажатой белоснежными зубными протезами. Всю неделю перед первым выходом Наташи в новую школу, бабка так профессионально промывала внучке мозг, что влюбленная девушка начала раздумывать — стоит ли ее страстный роман подобных ежедневных пыток. Но сдалась Наталья не сразу.

— Хотя... — продолжила монолог Наташа, подойдя к учительскому столу, — можете и не любить, и уж тем более не жаловать. Мне наплевать. На вас всех!

Она бросила дипломат на свободную парту, но сесть за нее не успела.

— А ну, вон! — заверещала Ирина Васильевна, и большая стопка тетрадей, подскочив, начала плавно съезжать со стола. — Вон отсюда! Марш к директору!

— Человеческое вам «спасибо», простите, не знаю, как вас величать. Только уж, давайте сразу — не «вон из класса», а «вон из школы». Посодействуйте, пожалуйста. Буду безмерно вам благодарна, — сложив ладони утюжком, продолжала издеваться девочка.

В классе все смотрели на происходящее, открыв рты, и вероятно симпатизировали бы новенькой, если б «наплевать на вас всех» не относилось ко всем.

Спешно приехали вызванные в школу родители Натальи. Папа — ответственное лицо в горкоме, улаживая ситуацию, получил в кабинете директора сердечный приступ. И Наташа,

еще раз вспомнив бабушку, вынуждена была отменить планы, дав отцу клятву, доучиться этот год в новой школе. Со своей стороны родители согласились на выдвинутое непокорным ребенком требование: они позволят ей вернуться домой из бабушкиного заключения.

«Да, она готова ездить каждый день в школу на метро целый час. Да, все свободное время она отдаст учебе или опять вернется к бабушке, что смерти подобно».

Следующим ударом было предательство юного Ромео. Мальчик Кирилл, в которого так отчаянно влюбилась юная Натали, терпящая страдания в ссылке, сразу после ее перевода в другую школу закрутил новый школьный роман.

Все стало так плохо, как только может быть в пятнадцать лет. Ученики в классе по наущению химички объявили ей бойкот. Наталью, от природы очень общительную, вакуум массового молчания очень угнетал.

Только Петра поддержала опальную девочку. Она была восхищена тем, как эта маленькая белокурая бестия пошла решительно против всех. Петра не знала причин, но догадывалась, что Наташа делает это не по капризу, и за ее поведением кроется большая личная драма.

— Трудно тебе? — Петра подошла на перемене к Наталье, которая, прислонившись к стене, хмуро смотрела в окно.

Вместо ответа, Наташа неопределенно пожала плечами.

— Я не знаю, получится ли у нас дружба, — продолжила Петра, — но я готова тебя поддержать. Я вижу, что тебе очень плохо.

На глазах Наташи выступили слезы, она прикусила пухлые губы, которые предательски задрожали. Петра обняла одноклассницу.

— Не переживай, все будет хорошо...

— Или нет, — пессимистично добавила Наташа.

— Ну, тогда все будет очень плохо, — завершила Петра разговор фразой Высоцкого и они, засмеявшись, обнялись, положив начало долгой и верной дружбе.

Петра проснулась от трели телефонного звонка.

— Петрусики, подружка моя любимая, поднимайся, надевай трусы и трусики. Мы едем на пикник!

— Наташка, ты не с ума ли сошла? Семь утра, суббота, я хочу выспаться хоть раз в неделю.

— Спать будешь на пенсии! Ты что забыла — нас вчера на пикник пригласили.

— Кто?

— Как кто?! Те двое парней с дискотеки, как ты могла забыть? Один, тот, что с изумрудными глазами и ямочками на щеках, просто ел тебя ими. Наверное, не ужинал в этот вечер. И если ты сейчас не согласишься, он объявит голодовку, умрет, а ты станешь виновницей самоубийства на почве неразделенной любви.

— Стоп! Притормози, прошу тебя. Я уже поняла, о ком ты говоришь. Но мне, если честно, очень не понравился его друг, который, кстати, тоже глазами... того. Только не ел, а раздевал.

— Что факт, то факт. Мне тоже жуть как не понравился этот Стас. Но Мишеньку упускать нельзя. Ценный экземпляр, — констатировала знающая толк в любви Наташа. — Уж ты мне поверь, я знаю, что говорю.

— Так, может, ты одна с ними съездишь на пикник? — предложила Петра, зевая.

— Надеюсь, что ты шутишь. Но признаюсь подруга — если бы этот красавчик Мишка так смотрел на меня, я бы у тебя разрешения не спросила. Но, поскольку, парень точно запал на мою подружку, я готова всячески его поддержать, и даже ликвидировать Стасика с повадками Робин Гуда.

— Не знаю, Наташ, ну какой пикник. Я, правда, думала выспаться и потом готовиться. Экзамены же скоро.

— Да фигня это все, сдадим лучше всех. Молодость Петруся, вот что упускать нельзя, — тоном многоопытной женщины произнесла Наташа.

— Уговорила, зрелая ты моя.

— Ура! — закричала в трубку Наташа.

— А когда ты успела договориться с ними? — едва не оглохнув, спросила Петра.

— Когда танцевали, Стас попросил номер телефона и вечером позвонил. Кстати, про Стаса — он сказал, что у него завтра — то есть уже сегодня — День Рождения. Так сделаем ему шикарный подарок — подарим свое общение!

— А куда мы идем?

— Говорю же тебе — на пикник. И не идем, а едем!

— Еще и едем?

— Да! На каких-то развалюхах, но это неважно. Ради любви моей лучшей подруги я готова сесть даже на трактор! Я вообще за любой кипеж, кроме голодовки. Кстати про еду — твоя бабушка уже замесила традиционные пирожки выходного дня?

Семь утра, а по квартире уже разносится запах вишневого пирога и мамино крепкого кофе. Традиция. Утром выходного дня на столе должна быть свежая выпечка.

Петра, позевывая, вышла в кухню-гостиную. Мария Андреевна переливала из турки в маленькую чашку тонкого китайского фарфора черный, густой напиток. Бабушка колдовала над очередной партией выпечки, добавляя в тесто выдавленную из стручка настоящую ваниль. Где она ее только берет. Из ванной доносилось папино: «Меня не любишь, но люблю я...»

— Доброе утро, ба, ма. Вопрос на засыпку: что можно подарить на семнадцатилетие парню, которого я видела один раз?

— А что ты о нем знаешь, кроме даты рождения? — улыбнувшись, спросила мама.

— Надо подумать.

С полотенцем через плечо в гостиную вошел улыбающийся отец. Петра чмокнула его в свежевыбритую щеку и, вдохнув запах одеколona, смешно чихнула.

— Будь здорова, дочура.

— Спасибо. Доброе утро.

— Доброе. Ты же хотела выспаться, не я ли тебя разбудил своим шикарным тенором?

— Хотела. Нет, папуль, не ты. Наташка. Она же, если захочет, Ленина из Мавзолея поднимет. Нас, оказывается, пригласили на пикник мальчишки с дискотеки. А я, представляете, про пикник совсем забыла, а у одного из них — День Рождения. В общем, надо ехать, — вздохнув, пересказала Петра.

— И съезди, дочка. Подышишь свежим воздухом.

— Пап, а что парню в семнадцать лет приятно получить в подарок?

— А что ты знаешь о нем? — повторил вопрос мамы Олег Петрович.

— Он играет на гитаре. С его слов, сам, практически с нуля собрал мотоцикл. И, кажется, у него мания величия.

— Мания величия, говоришь, — улыбнулся Олег Петрович. — Тогда подари ему новое издание «Наполеон».

— Тебе не жалко?

— Жалко, — признался отец. — Но у нас их два, так что — подумай, как подписать и дари.

— Спасибо, папуль! Какой ты, все-таки, у меня лучший! — воскликнула Петра и, повернувшись к бабушке. — А пирожки успеют? Мы через час выезжаем.

— Пирожки будут вовремя, — ответила Анна Николаевна, заглянув в духовку.

— Отлично!

— А где состоится ваш пикник и что это за компания? — поинтересовалась бабушка.

— Я, Наташа, Стас и еще один мальчик. Его имя, кажется, Миша.

Щеки Петры покраснели.

— Миша, значит, — повторила Анна Николаевна, улыгнувшись.

— Бабушка, все будет в порядке, не переживай. Мы поедем на Истру, на пляж. Там всегда полно народу, особенно в выходной. Ничего с нами не случится.

— Петра, ты взрослая девочка и должна понимать, что мы волнуемся, — вступила в разговор мама.

— И нам всем, — поддержал ее папа, обнимая Петру за плечи, — хотелось бы познакомиться с этим Михаилом, имя которого вызывает столь милый румянец на щеках моей дочери.

— Папочка, ба, ма, вы, пожалуйста, не волнуйтесь. Вот сегодня я сама еще раз посмотрю на них и решу — стоит ли вообще знакомить с вами.

Петра чмокнула отца и добавила:

— Я умываться, собираться и удаляться.

Олег Петрович сел за стол, мама налила ему большую чашку ароматного чая, а бабушка отрезала пирог с его любимой вишней и поцеловала в макушку.

— Эх, хорошо-то как! Вокруг столько заботливых, очаровательных женщин. Умереть можно от удовольствия.

— Ты нам нужен исключительно живым, папуля! — провозгласила из коридора Петра.
— Ты ведь лучший папка на свете!

Эля Валиуллина училась с Мишей Вишневым в одном классе и считалась его девушкой, что не помешало ей в десятом начать тайно встречаться с другим.

Михаил, Стас и Эля увлекались современной инструментальной музыкой. Стас жил и учился на другом конце Москвы и, почти каждый день после занятий приезжал в школу Миши и Эли, где им разрешили пользоваться маленькой студией с инструментами, с условием обязательного участия во всех мероприятиях.

Эля неплохо пела, Михаил играл на клавишных, а Стас — на гитаре. Ребята подбирали хиты и вполне удачно исполняли их на школьных мероприятиях, вызывая восхищение у школьных товарищей.

Эля сползла с мотоцикла, эффектно одернув юбку. Стас застегнул джинсы и закурил, глядя на алый закат. Их поездки на мотоцикле за город становились все чаще. Ему нравилась страстность девушки, щенячий взгляд ее зеленых глаз и готовность ради него на все.

— Стерва ты, Элька. Чего тебе не хватает? Мишка узнает, не простит измены.

— А ты сам не боишься друга потерять?

— Если расскажешь — прибую, поняла? — затушив окурок, Стас странно улыбнулся, и стало вполне очевидно, что он не шутит.

— Не бойся, ничего он не узнает. Он же правильный мальчик, ему в голову не придет, что его Эля совсем не такая девочка, как ему кажется, — проворковала она, прижавшись к Стасу оголенной грудью. — А вот зачем ты замутил со мной? Мстишь ему за что-то? Признайся.

— Пошла ты.

— Фу, хам. За что я тебя только люблю, — хмуро произнесла девушка.

— За это и любишь. И поменьше трагизма в голосе, тебе не идет, — сплюнув, произнес Стас и сел за руль.

Сколько себя помнил, Стас всегда боролся и неизменно побеждал. Когда мать забывала забрать его из детского сада, он боролся со страхом, что его отдадут в детдом, как произошло однажды, когда родителей чуть не лишили родительских прав, но потом сжалились, и решили

дать еще шанс. Позже, в школе, кулаками и природным интеллектом Стас выбивал себе место под солнцем.

Среднего роста, коренастый, с умными карими глазами он боролся за власть с первого класса. Назвать обычным хулиганом его было нельзя. Каждый свой поступок он просчитывал заранее и все обставлял так, чтобы подозрение пало на других. Если тайное все же становилось явным, он изображал такой покаянный взгляд, вкладывая в него страдания всех детей из неблагополучных семей, что учителя прощали и даже, порой, покрывали его выходки. Он курил на переменах и пил вино на школьном стадионе с двоечниками, поддерживая авторитет в нужных кругах, при этом усиленно занимался спортом и учился, к всеобщему удивлению, на отлично.

Обладея превосходной памятью, Стас быстро делал домашние задания и исчезал из дома до глубокого вечера, а то и до утра.

С Михаилом он познакомился в девятом классе, в секции вольной борьбы.

Мать Миши — Маргарита Аркадьевна долго присматриваясь к новому другу сына, пытается понять, что он за фрукт.

— Мишенька, а кто его родители?

— Точно не знаю. Кажется, отец — моряк, давно умер, а мама инженер. Вроде.

— Миш, ты заметил — взгляд у него какой-то, всегда разный. И глаза — то карие, то желтые, как у дракона.

— Мам, ну какого еще дракона? Нормальный он парень, учится очень хорошо, и мы вместе в секцию борьбы ходим.

«Учится очень хорошо» срабатывало безотказно, как правило, на всех родителей. Да и байка про моряка папу и маму с высшим образованием притупила бдительность Маргариты Аркадьевны.

Она с удовольствием привечала нового товарища сына, приглашала его на семейные праздники, обеды и ужины и в шутку называла «вторым сыночком», который, в свою очередь, давно и умело манипулировал всем, что поддавалось манипуляции. Он даже позволял себе иногда осторожно заигрывать с Маргаритой Аркадьевной, отпуская двусмысленные комплименты увядающей женщине.

Если бы у него было все так благополучно, как в Мишкиной семье. Вон как Маргарита Аркадьевна заботится о нем — наглаживает, напаривает рубашки, плюшки печет, пылинки сдувает. А он все сам. Все, всегда, сам.

За два года знакомства Миша ни разу не бывал в гостях у Стаса. Всегда находились какие-то причины: то ремонт, то переезд, то родственники из Ленинграда приехали. Телефон в новостройке, куда недавно, согласно легенде, переехал Стас, еще не был проведен, да и жили они довольно далеко друг от друга. Правду о его семье Михаил узнал случайно. Возвращаясь однажды с дачи, он с родителями проезжал по району, где жил Стас, и Миша увидел его, сидящим на лавочке с женщиной, очевидно пьющего вида.

Машина притормозила рядом с остановкой. Мать дремала на заднем сиденье, отец смотрел на светофор. Миша опустил стекло и хотел уже окликнуть друга, как услышал:

— Да, Стасик, пьет твоя мать, пьет. И отец пьет, и ты пить будешь. Такая наша судьба. Смирись сразу, чтобы потом больнее не было. И никакого института! Чтоб я даже не слышала об этом! — мать ударила ладонью по скамье, чуть не свалившись с нее. — На токаря вон пойдешь, как папка. Будешь приносить копеечку в дом.

В этот момент Стас поднял голову и встретился взглядом с Михаилом. В одно мгновение цвет его глаз стал ядовито желтым. Москвич отца тронулся, и Миша успел лишь махнуть другу рукой.

После этой встречи Стас долго не появлялся. И Михаил вдруг понял, что не знает, где искать друга. Он приезжал на ту остановку, ходил кругами вокруг ближайших домов, ждал у школы. Все тщетно.

Через месяц Стас нашел его сам.

— Ты куда пропал? Мы с Элькой не знали, где тебя искать.

— Надо поговорить.

Они сидели на школьном стадионе. Стас достал бутылку портвейна.

— Выпьешь со мной?

Миша вспомнил о матери, которая встречая сына, неизменно напрягала крылья носа, пытаясь вынюхать порочные запахи. Ничего не обнаруживала, на время успокаивалась, но потом снова приходила в боевую готовность. Уж очень опасный у сына возраст.

Сделав пару глотков, Миша передал бутылку другу.

— Рассказывай. Все начистоту.

— Нет никакой чистоты, Мишка, грязь одна...

После этого случая Михаил старался относиться к другу внимательнее, стараясь случайно не задеть его своим благополучием. И Элю просил следить за словами, когда рядом Стас. Но в этом, как раз, не было нужды.

Девушка всегда контролировала себя, находясь рядом с этим сложным, непредсказуемым человеком. Да и бедностью ее не удивить. Семья Эли всегда жила скромно. Она родилась, когда ее родителям исполнилось по сорок лет, и позднего ребенка с детства приучали к самостоятельности. Мать с отцом, родом из деревни, так и не привыкли к Москве и уезжали в родное село при любой возможности, часто оставляя старшекласницу-дочь дома одну.

Друзья часто собирались у Эли, устраивая шумные вечеринки. Миша первое время опасался, что Стас будет предлагать выпивку. Становиться плохим мальчиком и огорчать родителей не входило в его планы. Но у Стаса тоже были свои планы на светлое будущее, и спиртное он использовал в исключительных случаях, когда оно могло, на его взгляд, сыграть нужную роль.

После раскрытия семейного неблагополучия, Стас впервые пригласил друзей на дискотеку в свою школу.

— Слушай, да ты тут непререкаемый авторитет, Стас, — шутливо заметил Миша, глядя, как с ним уважительно обращаются даже учителя.

— Почему бы и нет. Или, ты считаешь, что не достоин? — карие глаза Стаса посмотрели зло.

— Конечно, достоин, — растерялся Миша. — Я очень рад за тебя.

— Ладно, проехали. Ну что, Элька, у тебя хата свободна, едем к тебе. Ничего, если я возьму с собой девочку?

— Ничего, — произнесла Эля, стараясь не выдать своего недовольства.

Стас понравился ей с первой минуты знакомства, и он это заметил. Парень сразу понял, что может предложить Эле все, и та согласится. Лучшей фигуры для его любимых манипуляций людьми у него давно не было. Поначалу он не спешил сблизиться, не так уж она ему была важна, чтобы изворачиваться и скрываться от Мишки. Но после очередной вечеринки жизнь их свела сама.

Эля весь вечер откровенно смотрела на Стаса, облизывала губы, садилась напротив, демонстрируя под короткой юбкой кружевные трусики, рискуя, что это заметит Михаил.

В тот вечер, попрощавшись с другом, Стас открыл маленький багажник мотоцикла и, поняв, что забыл куртку, взглянул на окна Эли. Ухмыльнувшись, он медленно пошел к ее дому.

— Ты почему вернулся? — спросила Эля, женским чутьем осознав, что ее женские игры имели успех.

— Кое-что забыл.

— Уж не меня ли? — кокетливо тряхнула светлыми локонами Эля, расстегивая верхнюю пуговку на блузке.

— Может быть, — ответил Стас, грубо притянув к себе девушку.

Их встречи проходили все чаще, а отношения с Мишей Эля всячески пыталась завершить.

— Не получается у нас с Элькой, — грустно делился с другом Михаил.

— А что такое? — участливо поинтересовался Стас.

— Мне кажется, у нее кто-то есть.

— Почему так решил? — напрягся Стас.

— Мы почти не встречаемся наедине.

— Понятно.

— Эля — моя первая любовь, — зачем-то уточнил Михаил.

— Да, первая любовь, говорят, заноза. А ты сделай так, чтобы она сама оказалась виновата и потом брось ее, — неожиданно предложил Стас.

— Это как? — не понял Михаил.

— А ты уличи ее в измене.

— Так ты тоже считаешь, что она изменяет? — воскликнул доверчивый Михаил.

— Не факт. Хотя, всё может быть с этими бабами. Верить никому нельзя. Но можно все обставить так, чтобы выглядело, как тебе надо.

— Нет, это подло. Я так не могу.

А Стасу нравилось быть кукловодом. Манипуляции людьми вызывали у него безумный восторг. «Когда-нибудь все вы будете подо мной, и богатые, и бедные, и красивые и умные».

Через неделю после этого разговора Стас сообщил Эле, что она ему больше не нужна. Девушка встретила новость взрывом эмоций и претензий.

— Я всегда чувствовала, что ты начал со мной только, чтобы Мишке насолить! Не знаю, за что ты мстишь ему или всему миру, но ты — конченный ублюдок! Гад! — сквозь слезы кричала она.

Он остановил ее ударом наотмашь. Элю никогда не били. И самое ужасное, что когда Стас ударил ее по щеке, она после первого изумления почувствовала привычный жар внизу живота.

— Ну, ударь, ударь еще раз! Только не бросай, пожалуйста!

— Дура! Пошла вон! И запомни — если кто узнает, что у нас было, придушу. Вот этими руками. — Стас махнул перед ее глазами широкой, короткопалой ладонью.

Эля поплакала, но утешение нашла быстро — с братом подруги. Рыжий автомеханик Василий, старше ее на семь лет, давно пытался соблазнить девушку наличием красного жигуля и предложением рвануть на нем к морю.

Михаил увидел Элю в объятьях нового поклонника незадолго до знакомства с Петрой. Потеряв Стаса, Эля совсем перестала церемониться с другом, иницируя скандалы на пустом месте.

После очередной ссоры Миша ждал ее недалеко от дома. Рядом был Стас.

«Ты мне не снишься, я тебе тоже, и ничего мы сделать не можем...», — услышали ребята популярную песню, и следом во двор въехала красная шестерка.

Эля выпорхнула из машины, бросив на ходу:

— Поднимайся.

Увидев девушку с другим, Миша неожиданно почувствовал облегчение. Общение с Элей постепенно превратилось в сплошную линию упреков и скандалов.

— Ну что, уроем его? — предложил Стас, глядя, как механик Вася проверил, надежно ли закрыты замки, и направился к подъезду, постоянно оглядываясь на любимый автомобиль.

— Нет. Уже ничего не изменит. Это однажды произошло бы. Я же говорил тебе, что чувствую — изменяет и давно.

— Как скажешь. Я бы урыл, - сплюнув, произнес Стас.

Михаил, застегивая кожаный ремешок на шлеме, грустно проронил:

— Что ни делается, то к лучшему. Видишь, не зря говорят — все тайное однажды становится явным.

— Смотря, кто и как это тайное прячет, — тихо произнес Стас.

Он посмотрел вслед Михаилу, подошел к своему мотоциклу и достал из холщового мешка, прикрепленного к раме, битую. Быстро оглядевшись по сторонам, он со всей силы ударил по заднему стеклу красных жигулей. Напоследок, с хрустом выдернув щетки, он спокойно укатил на своем мотоцикле.

Эля первая услышала звон стекла, выглянула в окно и увидела удаляющиеся огоньки на задней части знакомого мотоцикла. На взрыв автомобильной сигнализации, как ошпаренный, из душа выскочил автомеханик Вася.

— Вот же сволочи, — пытаюсь всунуть мокрые ноги в джинсы, кричал Василий. — Ты видела? Ты их запомнила?

Эля, молча, смотрела из окна на вопящую, разбитую машину и размышляла: «Может все-таки любит, раз так реагирует? Ждал ведь под окном...»

Она еще не поняла, что Стас Глушко и любовь — понятия абсолютно несовместимые.

Мать Михаила — Маргарита Аркадьевна из-за полноты выглядела намного старше своего возраста. В молодости статная, сейчас грузная дама, с намертво прикрученным к затылку шиньоном из бывшей роскошной косы, она с детства знала все главные секреты сына и старалась участвовать в его жизни, как можно масштабнее.

Новость о расставании с Элей она встретила бурным негодованием.

— Я не могу поверить! Эта мерзавка тебе изменила?!

Миша не привык скрывать от матери личные отношения и познакомил ее с одноклассницей сразу, как только понял, что влюбился. Маргарите Аркадьевне подружка сына понравилась.

Эля, если хотела, умела нравиться людям. В этом они были схожи со Стасом, но лишь он один почти не поддавался ее хитрым девичьим уловкам. Маму Михаила Эля слушала всегда с нарочито повышенным вниманием, поддакивала ей во всем, исполняла все прихоти — помогала крутить банки с компотами, участвовала в переклейке обоев, перешивке платьев и занимала очередь за дефицитом в столы заказов.

— Мам, да ладно тебе, не переживай так. У нас, если честно, уже давно не клеилось.

— О том и говорю — она, наверняка, уже давно тебе изменяла!

Маргарита Аркадьевна, засучив рукава, пыталась всю свою злость выместить на фарше, с силой разбивая мясной шар о разделочную доску.

— Красивая девка, но дура первостатейная, раз такого парня упустила. Стопроцентная дура!

Переложив со сковороды на большое блюдо пышные котлеты, Маргарита Аркадьевна смахнула пот со лба. Перекинув полотенце, она села за стол, подложив сыну на тарелку еще порцию.

— Спасибо, мам, я наелся.

— Кушай, кушай, сыночка. И забудь эту стерву. Увидишь — сама приползет. Вот посмотришь!

— Всё, мам. Не хочу больше об этом.

Первое время Михаилу было неприятно наблюдать, как экс-подругу встречает у школы ее новый парень. Он ловил на себе сочувствующие взгляды одноклассников. Девочки, узнав, что Миша Вишневский теперь свободен, начали атаковать школьного красавца. Обрывали его домашний телефон, подбрасывали записки в портфель и на парту, но парень никого из них не замечал.

Музыкальное трио распалось, и теперь они со Стасом на школьных мероприятиях выступали в паре, и также вдвоем начали ездить на дискотеки в центр, где однажды познакомились с Петрой и Наташей.

Они мчались на мотоциклах, обгоняя друг друга. Ветер свистел в шлемах. Наташа, обхватив одной рукой Стаса за талию, другой размахивала джинсовой панамой, крича навстречу ветру, который лихо подхватывал ее слова, тут же разбрасывая их в разные стороны.

— Жизнь! Ура! Улетно!

Весна восемьдесят первого выдалась ранней. Вовсю зеленела листва. Вода в местных водоемах была еще ледяная, но мальчишки, решительно сбросив одежды, кинулись в реку.

— Вы с ума сошли! — кричали им вслед девочки. — Мы же вас потом не разморозим.

Ребята наперегонки проплыли метров двадцать и, выбравшись из воды синие, в мурашках, отдувались, фыркали и украдкой бросали взгляды на девчонок, пытаясь оценить произведенное впечатление.

— А мы проголодались, между прочим, моржи вы наши. Давайте разжигайте костер, будем шпикачки жарить, — раздавала приказы Наташа.

Недалеко от них, семейная пара, видимо из дачного поселка, раздувала в маленьком мангале угли. Их ребенок носил из речки в игрушечном ковшике воду, сливая ее в лунку, сделанную из песка.

— Дима, сынок, не лезь в воду, кому говорю! — с перерывом в минуту кричала ему мама.

Сынок Дима упорно заходил по щиколотку в обжигающую холодом реку, визжал и довольный убегал прочь, расплескивая воду.

Несмотря на утро, людей на пляже было много. Порадоваться ранней в этом году возможности прихватить солнышка, приехала в основном молодежь, да выполз из своих истринских домов дачный народ.

Девочки проворно накрыли поляну, выложив на клетчатую скатерку хлеб, ароматные пирожки и толстые сосиски, которые Наташа называла шпикачками.

Стас достал из дорожной сумки бутылку вина.

— Мы не будем, — отказалась Петра.

— Ребята мы такое не пьем, — категорически поддержала Наташа.

— Что же вы пьете? — недовольно спросил Стас. — Коньяк, что ли или может водку?

— Бордо двадцатилетней выдержки, — съязвила Натали.

— Стас, перестань, — попытался сгладить ситуацию Михаил. — Девчонки, если не хотите — не надо. Мы, ведь, тоже — чисто символически.

— Мы понимаем, что день рождения и все такое, но вы оба за рулем, — заметила Петра.

Михаил вопросительно посмотрел на друга.

— Да — у меня день рождения! И вино — всего тринадцать градусов, через два часа все выветрится и духа не останется, — наигранно весело произнес Стас, не предупредивший Михаила о придуманных вчера на танцах именинах.

Петра вынула из сумки красиво упакованную книгу.

— Стас, это тебе от нас — подарок. С днем рождения. Все, что мы хотим тебе пожелать, написано на второй обложке. А про вино — правда, ребята, лучше не надо алкоголя, — сказала Петра.

Миша, повернувшись к Стасу, решил перевести все в шутку.

— Стас, слово дам — закон для кавалеров. Нет — так нет.

— Ты как хочешь, а я выпью.

Они провели на природе три часа. Солнце перевалило далеко за полдень. Носы у ребят покраснели, а девочки начали прикрывать плечи косынками. Михаил шутил, разряжая обстановку, рассказывал смешные анекдоты, и собрал для подруг по букету полевых цветов.

Стас развернул подарок. «Наполеон». На мой рост, что ли намекают...».

Открыв книгу, он прочитал: «С Днем Рождения, Станислав! Фигура Наполеона неоднозначна в военной истории мира. Но, как бы она не оценивалась поколениями, это была личность, умеющая ставить цели и твердо идти к ним. Желаем тебе правильно определять свои цели в жизни и достигать их достойно».

«Сто процентов — подписала эта Петра. Надо же, какая умная девочка. Внучка знаменитого ученого, говорят, даже засекреченного. И папочка летчик.... Опять повезло Мишке. Одна приличная семья нашла другую».

Стас взглянул на друга, который ни на шаг не отходил от Петры.

«Да, семья, — думал он, листая книгу, — у всех есть семья. А что есть у меня?»

Он сделал еще глоток вина. К концу пикника Стас один допил почти всю бутылку и тоже попытался шутить. Вышло нелепо, он разозлился еще больше и лег на траву, прикинувшись, что дремлет. Когда стали собираться домой, Наталья принципиально отказалась ехать со Стасом. Хорошо, что у Михаила был мотоцикл с коляской.

Наташа ловко запрыгнула в нее, обхватила плетеную корзину с пустыми упаковками из-под еды, и пока Петра с Мишей собирались, отвешивала в сторону Стаса нелестные эпитеты, невзирая на то, что у него «вроде как день рождения». Она отметила вопросительный взгляд Михаила, когда упомянули об именинах.

«Ко всем прелестям, он еще и врун. А Петра ему такой подарок сделала. Хватило бы ему и нашего изысканного общества».

Стас, не обращая ни на Наташу, ни на остальных никакого внимания, сел на свой мотоцикл и умчался, не попрощавшись.

— Не обижайтесь на него девчонки, он неплохой парень, правда. И очень хороший друг. Просто у него сейчас сложные времена, — не уточняя, сказал Михаил. — А вообще он очень умный и талантливый парень. Правда.

Высадив Наталью у ближайшего к ее дому метро, Михаил и Петра двинулись дальше. Дорога к дому заняла почти час.

Петра испытывала неизвестное ей ранее чувство. Парень в первый день знакомства, на дискотеке, показался ей чересчур стеснительным. Возможно, так он выглядел на фоне Стаса, шутившего без умолку. Когда Стас пригласил Петру на медленный танец, Михаил пошел танцевать с Наташей, постоянно ловя взгляд Петры.

На пикнике ребята словно поменялись ролями. Петра увидела Михаила другим — открытым и компанейским. Он, как мог, пытался доказать, что друг его не такой и плохой, как кажется. Теперь на фоне Стаса Миша казался более решительным и мужественным. И глаза у него, права Наташка, действительно, изумрудные.

«Дружба со спиртным, конечно, не похвальна, но кто в этом возрасте не пытается прикоснуться к этим напиткам, тем более из желания казаться взрослыми перед девочками», — подумала Петра.

— Завтра увидимся? — подняв на Петру свои невероятные глаза, спросил Михаил.

— Я не против, — ответила Петра.

У нее еще не было серьезных отношений и сейчас даже в голову не пришло кокетничать. Ей понравился мальчик и она готова с ним встретиться. К чему жеманство?

— Тогда я позвоню? — уже более смело прозвучал новый вопрос.

— Хорошо, записывай телефон.

— Я запомню, — произнес счастливый Михаил.

Он шумно выехал из двора, совершив на мотоцикле круг почета. Мама Петры и бабушка наблюдали за сценой прощания из окна.

— Совсем взрослой стала наша девочка, — произнесла Мария Андреевна.

— Не слишком ли взрослый кавалер, — вздохнула бабушка.

Петра ворвалась в квартиру с охапкой полевых цветов и плетеной корзинкой. Налетев на бабушку с мамой, она попыталась обнять их обеих одновременно, и параллельно откусить пирожок, выхваченный из-под салфетки на столе.

— Родственники, у меня для вас новость: вы — лучшие и я вас та-а-к люблю! А где папуля?

— Не перебивай аппетит, скоро ужинать будем. Папы еще нет, — произнесла мама, ласково шлепнув дочь.

— А какие еще новости? — строго спросила бабушка. — Что это за цирк во дворе?

— Бабуль, ты про мотоцикл? — кивнув на окно, весело спросила Петра. — Это, бабушка, что-то новое. И это новое может оказаться любовью, большой и чистой, и надеюсь взаимной. Серьезно.

Рассмеявшись и, оставив на кухне обескураженную бабушку и улыбающуюся маму, Петра убежала в свою комнату, отказавшись от ужина.

— Не переживайте, Анна Николаевна, она умная девочка. Благодаря Вам в первую очередь, она знает, как надо расставлять приоритеты в жизни. Вернулась не поздно, предупредила куда едет, с кем, и обещала скоро познакомить с новым другом. Я уверена, она сейчас села готовиться к экзаменам.

Бабушка, убрав на кухне, подошла к детской. В приоткрытую дверь было видно, как Петра, подперев рукой щеку, уткнулась в учебник.

— Тебе чайку принести, милая? — тихонько спросила Анна Николаевна.

— Не, бабуль, попозже. Часа через два, если не расшибу лоб о гранит науки.

— Ты уж, осторожнее, детка. Ты нам живая нужна, — поддержала шутку бабушка.

Петра закончила заниматься, когда старинные часы в гостиной пробили одиннадцать. Мама ушла на дежурство, папа готовился к лекциям в библиотеке.

Петра, упав без сил на кровать, позвала бабушку.

— Бабуль, ты не представляешь, у него такие глаза! Цвета моря.

— А кроме глаз, что еще в нем хорошего, внученька?

— Еще ямочки на щеках, — засмеялась Петра.

— Он старше тебя, Петра?

— Нет, бабуль, он тоже в десятом. Просто он высокий, поэтому тебе так показалось. Он учится в соседней школе. У него есть друг. Вот он мне, ни в этот, ни в прошлый раз вообще не понравился. И Наташке тоже.

— Что в нем не так?

— Не знаю. Какой-то он мутный, — решив умолчать про вино, ответила Петра.

— Значит они друзья, и при этом настолько разные?

— Да. Ну и что? Мы с Наташей тоже разные, а не разлей вода. Правда, только по характерам. В главном мы с ней, конечно, одних взглядов.

— Вот именно. У вас с Наташей одинаковые ориентиры в жизни. А чем думает заниматься твой новый знакомый после школы?

— Он планирует поступать в институт на факультет управления. А еще Миша в детстве музыкой занимался и у него даже есть доступ к аппаратуре школьной студии. Они со Стасом на вечерах вместе играют. Миша — на клавишных, Стас — на гитаре. Еще какая-то девочка

там раньше пела. Но это было раньше. Они не рассказывали об этом, но я так поняла, что она была Мишиной подругой. Их трио недавно распалось, и я не стала спрашивать почему. Да, в общем, не важно, ерунда. А еще Миша сказал, что однажды будет директором самого классного магазина музыкальных инструментов и грампластинок в Москве, — живо перескочила на другую тему Петра.

— Серьезные планы, — улыбнулась Анна Николаевна.

— Бабушка, мне кажется, это любовь и моя судьба, — серьезным тоном добавила Петра.

— Милая, ты его знаешь всего ничего, — воскликнула бабушка.

— Согласна. Замечание по существу. Принимается, — расхохоталась Петра. — Я же шучу, бабуль!

— Ах ты, шутница моя, — улыбнулась Анна Николаевна.

— Но, если честно — то мне, правда, кажется, что у нас все будет серьезно. Ты бы видела его глаза! Это просто Бермуды! Я вас скоро познакомлю с ним, ты сама все увидишь.

— Мне раньше не казалось, что ты такая влюбчивая, — заметила бабушка

— Мне тоже, — рассмеялась Петра. — Время, видно, пришло.

— Умница моя, совсем взрослая девочка. — Бабушка поцеловала внучку, привычно перед сном, подоткнув со всех сторон одеяло. — Спокойной ночи, милая. Время все прояснит, все расставит по своим местам.

Эля поняла, что беременна через месяц после расставания со Стасом и началом отношений с Васей. По ее подсчетам выходило, что это ребенок Стаса. Двоюродная сестра работала акушеркой и помогла устроить анонимный прием у гинеколога.

Эля ждала Стаса у школы почти два часа, когда он вышел наперевес с гитарой, обнимая за талию высокую, стройную девушку в короткой клетчатой юбке и белой блузе с воротничком ришелье.

— Давай, до вечера, — нараспев произнесла длинноногая.

Увидев Элю, Стас равнодушно двинулся дальше.

— Постой, — девушка решительно преградила ему дорогу.

— Чего тебе? — произнес Стас, давая понять, что не намерен долго задерживаться.

— Я беременна. Уже шесть недель, — решив не тянуть с признанием, сообщила Эля.

Ни один мускул не дрогнул на лице парня, только кулаки в карманах школьных брюк сжались до синевы. Не считая, Стас интуитивно понял, что она не лжет. Он медленно повернулся к взволнованной девушке.

— Счастливого Рыжика можно поздравить с будущим отцовством? Только мне зачем знать о вашем семейном празднике?

— Это твой ребенок, — срывающимся голосом произнесла Эля.

— Слушай сюда, — оглядевшись, Стас подтолкнул ее к школьному забору. Кусты шиповника больно врезались в голые ноги девушки. — Ты за кого меня принимаешь, тварь? Ты что думаешь, можешь меня вот так вернуть? Ты, кажется, не поняла, с кем имела дело, овца подзаборная.

От потока оскорблений, Эля на минуту опешила, но решила сделать еще попытку.

— Я же люблю тебя, Стас! Мне кажется, мы могли бы... Ребенок, это же не проблема, что ты так волнуешься? Еще есть время, я что-нибудь придумаю...

— Вот и придумай! Придумывай, что хочешь и с кем хочешь, но ко мне больше не подходи. Если еще раз замечу, что караулишь — твой дружок узнает все подробности твоей личной жизни и уже вряд ли возьмет тебя в жены. А он для таких, как ты — единственно возможный шанс на семейную жизнь. Не упускай его детка, не будь как обычно, дурой.

Хладнокровно застегнув пуговку на ее блузе, Стас шлепнул ее на прощание по ягодицам и ушел.

Эля провела в истерике всю ночь, прерываясь лишь на курение. Она прокручивала все варианты, в поисках верного.

«Что же выбрать, — думала она, — избавиться от ребенка или использовать его как повод для свадьбы с Васькой? Он, хоть и жлоб, но ребенку обрадуется. Не то, что этот гад».

Так и вышло.

Василий подхватил Элю на руки и закружил по квартире. Потом резко сел за стол.

— Так. Мои обязательно приедут из деревни со всей родней, с работы тоже придут ребята. Директора обязательно приглашу. Может быть, тогда повысит до мастера. В качестве подарка, — гоготнул Василий. — Давай, посчитай своих родственников, и следующие выходные поедем в деревню, ну, это... сообщать! Э-эх, Эльвирка, закатим свадебку!

— Сколько раз я тебе говорила — не называть меня так, — раздраженно оборвала его Эля.

— Ну, ну, не нервничай. Тебе теперь нельзя, моя красавица. Слушай, надо справки какие-то взять, чтобы три месяца не ждать. Я все забываю, спросить — а как так вышло, что тебе уже восемнадцать, а ты только заканчиваешь школу? Второгодницей была, что ли? — продолжал смеяться Василий.

— Я болела. Пошла в школу с восьми лет.

— Ты ж моя зрелая девочка, школьница моя опытная. — Он поднял ее юбку и полез рукой в трусики. — Где там наш маленький Витек?

— Какой еще Витек? — отталкивая его руку, удивилась Эля.

— Как какой? Мой братуха по службе — Витек. Мы забились еще в армии, что назовем детей в честь друг друга. О! Надо ему сегодня же отравить телеграммку с приглашением.

Эля с отвращением слушала Василия и понимала, как ненавидит и его самого, и его семью, и этого Витька, и все что с ними всеми связано. Романом с соседом она хотела лишь вызвать ревность Стаса и вернуть его. Ничего не вышло. Ничего.

«Всем им нужно от меня только одно», — думала она, пока Вася уже с хозяйской уверенностью раскладывал ее на шатком диване, раздевая, пыхтя и постанывая в предвкушении.

«Зачем я бросила Мишку? Вот же, на самом деле, дура. Пошла за чувствами, за любовью к этому козлу Стасу. А их не любить надо, а только пользоваться. И вовремя бросать. Черт, как же вернуть Мишу? Надо думать, надо думать...»

По школе поползли слухи, что у Миши Вишневого появилась обалденная подружка. Красотка, да еще из какой-то известной семьи.

После первого знакомства на дискотеке Стас попытался флиртовать с Петрой. Он звонил ей несколько раз, но девушка весьма определенно советовала пообщаться лучше со своим другом. Вскоре Стас устранился, поняв, что ловить здесь пока нечего.

«Белокурая подружка, конечно, тоже ничего, но и она воротит нос, — размышлял Стас. — Ну и пошли они к черту. За мной полшколы таких бегают — и рыжих, и брюнеток, и блондинок. Конечно, от такой девчонки, как Петра я бы не отказался. Это другой уровень. Непростая штучка. Но, если подвернется удобный момент, я его не упущу».

Классная руководитель, она же учитель химии, Ирина Васильевна Брошина, открыла классный журнал.

— Пришло время раздавать задания на предстоящий выпускной. Наталья Божко, ты читаешь стихи. Говорить у тебя очень хорошо получается. Подготовь список авторов, согла-

сую в понедельник. Волков, кто ты там у нас...? Кажется, акробат? Ты же в секцию акробатики ходишь? А ну-ка тихо!

Преподаватель хлопнула ладонью по столу.

— Общий сбор на последнем звонке будет сначала в спортзале, потом мы переходим в актовый зал, так что ты, Волков, откроешь мероприятие своим номером, - продолжила она.

— Ладно, — недовольно ответил Волков.

— Можно мне петь? — затрясла рукой отличница Олечка Медведева.

— Чтобы петь, надо иметь хотя бы слух, если не голос, а у тебя ни того ни другого, — выкрикнул Георгий, выпускник музыкального училища.

— Заткнись, дурак, — прикрикнула на него Оля.

— Сама заткнись!

— Я сказала — тихо! Петь будут все, хором, утвержденную на педсовете песню. Да, вот еще — нужен танцевальный номер. Терентьева, ты же в танцевальной студии занимаешься? Значит вальс за тобой!

— Но мой партнер ногу сломал, — попыталась возразить Петра.

— Даже не обсуждается, Терентьева. Вальс должен быть и танцевать его будешь ты.

— Но, Ирина Васильевна, для вальса нужен партнер! — возмутилась Петра.

— Что в вашей студии один твой партнер из мальчиков?

— Остальные похожи на девочек, — вставил реплику Вова, официальный школьный поклонник Петры с седьмого класса.

— У всех же выпускные, не только у меня, все заняты! — все еще пыталась убедить учительницу Петра.

— Так! — стукнула по столу Ирина Васильевна. — Найдешь! С твоими данными это не будет проблемой.

— Но...

— Разговор окончен, — безапелляционно произнесла Ирина Васильевна.

— Ты представляешь, — жаловалась бабушке Петра, — с твоими, говорит, данными — не проблема. Причем здесь мои данные, не понимаю! Что мне теперь с табличкой «ищу партнера» на улицу выйти?

— А ты предложи своему другу. — посоветовала Анна Николаевна.

— Мише? Слушай, а точно! Бабуль, ты золото! — подпрыгнула на стуле Петра и следом огорченно добавила, — но ведь он никогда не танцевал.

— Если он учился в музыкальной школе, чувство ритма у него должно быть, а движениям научите. Думаю, ваш преподаватель в школе танцев не откажется его подучить.

Михаил пришел в полный восторг от предложения Петры.

— Только у нас три недели всего, ты успеешь разучить? — уточнила Петра.

— Чувство ритма у меня есть, остальному ты меня научишь, — повторил бабушкины слова Михаил.

— Бабушка также говорит, — засмеялась Петра. — Постой, вот мы о чем не подумали — а как же твой выпускной, у нас же у всех в один день?

— А я приду сначала к тебе, а потом сразу ко мне поедем. Время подгадаем.

— Спасибо, Миш! Ты меня очень выручишь.

— Танцевать с тобой — это счастье, которое выпадает не каждому, так что без вариантов. Спасибо, что выбрала меня в партнерши, с риском для своих красивых ног.

Петра обняла Михаила за шею и чмокнула в нос. Они были знакомы уже несколько месяцев, но Миша даже не думал всерьез сокращать дистанцию, несмотря на то, что уже познал близость с девушкой.

Эля предложила себя сама, едва они начали встречаться. Михаил, поняв, что у нее уже были мужчины, деликатно не стал задавать вопросов.

Девственности Элю лишил в пятнадцать лет пионервожатый Ленечка. Она шантажировала его своим несовершеннолетием, и студент год работал вечерами на разгрузке вагонов, чтобы покупать колечки, сережки, и кофточка юной Лолите. Окончив институт, он получил распределение в другой город, а Эля начала встречаться с Михаилом, и на этом мучения неудачного любовника закончились.

Миша очень дорожил отношениями с Петрой, боясь обидеть или как-то смутить девушку, которую по праву возвел на пьедестал. Они поцеловались впервые лишь через два месяца после знакомства.

Отец уединился с Михаилом в библиотеке на партию в шахматы, пока бабушка и Петра накрывали к ужину стол.

Вскоре пришла с работы мама. Она внимательно взглянула на парня и, протянув руку, представилась:

— Мария Андреевна.

— Михаил.

Молодой человек пожал сухую от постоянного контакта с медикаментами ладонь.

— Как продвигается ваше обучение вальсу?

— Спасибо, пока с переменным успехом. С моей, разумеется, стороны. Я все время переживаю о том, что могу отдалить ноги Петре и упускаю движения.

— Я думаю, в танце — главное уловить ритм и расслабиться. Тогда танец будет вести сам.

— Спасибо за совет. У вас с Петрой взгляд одинаковый, — неожиданно произнес Михаил и смутился.

Мария Андреевна улыбнулась.

Бабушка в честь гостя приготовила утку с яблоками, испекла пирог с черникой и торт-черепашку, с орехами, изюмом, маком и скорлупками, приготовленными заранее в специальной вафельнице.

Петра и Михаил показывали друг другу синие от ягод языки, шутили и смеялись. Олег Петрович и Михаил с удовольствием обсуждали спортивные новости. Женщины старательно переводили разговор на более важные, на их взгляд, темы — предстоящий выпускной, костюмы для танца и планы дальнейшей учебы.

Обстановка за столом была полна непринужденности. Михаил понравился семье, и Петра была от этого в полном восторге.

Раскрасневшаяся и довольная, она вышла на улицу проводить друга.

— Как ты думаешь, я понравился твоим?

— А сам как считаешь? — улыбаясь, ответила вопросом Петра.

— Вроде все хорошо прошло...

— Я тоже думаю, что все хорошо. Давай иди, родители тебя, наверное, потеряли.

Он наклонился и прикоснулся губами к щеке Петры. Подняв глаза, Михаил встретил светящийся взгляд Петры, и их губы сомкнулись в первом поцелуе.

Проводив абсолютно счастливого Михаила, Петра еще минут пять приходила в себя, стоя во дворе, поглядывая на окна гостиной, где иногда мелькала седая голова бабушки.

Убедившись, что все довольны встречей, и ее парень всем понравился, Петра ушла к себе и долго не могла заснуть.

— Что не спишь, Петрочка? Переволновалась, внучка?

— Невероятно, бабуль. Ужасно волновалась, понравится ли он вам. Пожалуйста, расскажи подробнее, что ты о нем думаешь?

— Что сказать... Глаза вроде хорошие. Возможно, чересчур красив для юноши. Но, если родители правильно воспитали, значит, приоритеты расставит в жизни верно, и приятная внешность только поможет, а не помешает.

— Значит, одобряешь, да? — счастливо прошептала Петра, укутываясь в одеяло.

— Одобряю, — улыбнулась Анна Николаевна. — Только, помни одно: мужчина — это ряд поступков, а не слов. Цени по делам, а не потому, что тебе говорят.

Михаил едва успел открыть дверь, как Маргарита Аркадьевна, выскочила из комнаты.

— Ну что же ты так долго? Не тяни, рассказывай, как там знакомство твое прошло? — с нотками ревности накинулась с расспросами мать.

Она еще не видела новую девушку сына, но от сына наслушалась о ней много лестного. Михаил, так или иначе, постоянно упоминал о Петре почти во всех разговорах. Про прежнюю подругу он никогда так много не говорил.

— Мама, все не просто хорошо, все превосходно! Я счастлив. У Петры классные родители и бабушка. Мы показали им часть нашего номера на выпускной. Анна Николаевна, бабушка Петры, нам аккомпанировала, и потом сказала, что у меня хорошее чувство ритма, — тараторил сын.

Из спальни вышел отец Михаила — Геннадий Семенович, с газетой в руках и очками, сдвинутыми на лоб.

— А когда же ты познакомишь нас со своей девушкой, сын?

— Скоро, пап. В принципе, когда скажете. Петра очень простая в общении девочка. Когда пригласите, тогда и познакомлю.

— Значит, нечего откладывать, — подхватила мать, — в следующую субботу приводи к нам свою Петру. А сейчас, давай-ка расскажи подробно — чем там тебя угощали, и как все было. Мы тоже не должны ударить в грязь лицом.

Маргарита Аркадьевна внимательно смотрела на Петру, которая вручив ей букетик кустовых роз, повернулась к зеркалу поправить волосы. Глядя на девушку, Маргарита подумала о том, что ею будет невозможно управлять. Это считывалось с ее взгляда, движений и поведения, видимо, с детства уверенного в себе человека.

«Она так учтива и вежлива, но держится на расстоянии, — размышляла Маргарита. — Как королева. Да уж, такие всегда будут вести себя по-царски. Ее точно не согнуть».

А Маргарита Аркадьевна мечтала о том, чтобы будущая невестка поклонялась ей и во всем соглашалась. Элька в этом плане была безупречна.

«Да о чем это я, какая невестка. Им же всего по семнадцать. Может, погуляют, да разбегутся. Но если нет, то Мишка, конечно попал. Влюблен по уши — ишь, как смотрит на нее, глаз не отводит, угодить старается во всем. Крутит ее сыночкой эта Петра. Что за имя дурацкое? Петра...».

— Петрочка, проходи, не стесняйся. Значит, вы будете танцевать с Мишенькой на выпускном?

— Да, Маргарита Аркадьевна, мы сейчас усиленно репетируем, почти каждый день. Миша очень способный.

— Да, да, этого у него не отнять. Проходите, пожалуйста, к столу. Кстати, мы специально шьем Мише костюм для вашего номера. После ужина я покажу. Давайте, давайте к столу. Гена, неси гуся. Ой, Петрочка, я его полдня тушила в духовке. Надеюсь, что не зря старалась.

После ужина и демонстрации костюма, Петра мягко произнесла, что ей пора, и Михаил пошел провожать подругу.

— Нет, ты видел эту принцессу? — недовольным тоном обратилась к мужу Маргарита Аркадьевна, когда за ребятами закрылась дверь. — Ишь, королева!

— Хорошая девочка, — не согласился Геннадий Семенович, обычно не привыкший спорить с женой.

— Хорошая, — проворчала Маргарита Аркадьевна, убирая со стола. — Ты видел, как она держится? Слова лишнего не сказала за столом. На мои вопросы про своего знаменитого деда едва отвечала.

— Я думаю, что она при первом знакомстве, просто стеснялась родителей своего друга. А может, не любит хвастать заслугами родных. Это только ей в плюс. Да и вопросы ты задавала, Рита, не особенно деликатно.

— А ты, вообще помолчал бы! Тебе все всегда нравится, а на самом деле — просто все равно. А я больше не хочу, что бы мой сын страдал, как это было с вертихвосткой Элькой. У этой Петры, наверное, поклонников вагон и маленькая тележка. Мало того, что сама красотка, так еще семья такая. Ох, не знаю я, радоваться ли этой дружбе, или вовремя уберечь сына.

Геннадий Семенович, решив, что лучше закрыть тему, удалился в спальню.

— Иди, иди, толку от тебя никакого! Надеюсь, что сын в меня пошел, а не в тебя, тюфяка, — никак не могла успокоиться Маргарита Аркадьевна.

Мальчики, действительно, активно обращали внимание на Петру. В школе ее по праву считали выдающейся красавицей. Одноклассник Володя с седьмого класса упорно приглашал ее, то на каток, то в кино, и не позволял никому в школе даже задуматься о том, чтобы посягнуть на его любовь. Вова к выпускному вымахал до метра девяносто, состоял в юношеской сборной Москвы по баскетболу и много лет был безответно влюблен в одноклассницу Терентьеву.

Когда в жизни Петры появился Михаил, Вова официально сообщил девушке, что покалечит его. Петра, по совету бабушки, доступно ему объяснила, какими потерями, и прежде всего для его любимого спорта, грозит ошибочное поведение, и Вова, имеющий большие спортивные планы, вынужден был ретироваться. До Миши, угрозы покалечить соперника озвучивались в отношении партнера по танцам Альберта, который не на шутку побаивался одноклассника своей партнерши, на которую не имел никаких видов, как впрочем, и на других девушек.

На выпускной вечер Петры пришла вся семья. Несмотря на невероятную занятость, папа и мама за месяц взяли отгулы на этот важный день. Бабушка хлопотала всю неделю до важной даты, колдовала над платьем внучки, примеряла, утюжила и продумывала, какую сделать Петре прическу.

Олег Петрович по просьбе директора должен был произнести напутственную речь. Мама составила любимой учительнице Петры, Анжелике Порфирьевне, такой букет, что та, обычно сдержанная на похвалы, пришла в абсолютный восторг.

— Спасибо! Это не букет, это — произведение искусства. У вас, Мария Андреевна, определенно талант. А ваша дочь, я должна признать, явно не лишена литературных способностей.

— За это — вам спасибо!

— Благодарите себя за гены и правильное воспитание Петры.

— А сейчас, — визгливо произнесла в микрофон Олечка Медведева, — вальс! Исполняют Петра Терентьева и... э-э Михаил Вишневецкий. Вальс!

Петра ободряюще взглянула на Мишу, и на мысленный счет «три» они плавно двинулись по актовому залу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.